

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР,
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1945

Printed in Soviet Union

Б. Д. ГРЕКОВ

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ В IX—X ВЕКАХ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Берега Волги много могли бы рассказать о себе с тех пор, как появился тут человек. Связывающая два материка могучая водная магистраль очень давно стала служить удобным путем для торгового и культурного общения Средней Европы с народами Кавказа и далекого Востока. Русь тоже прекрасно знала, что из ее центра по Волге можно идти «в Болгары и Хвалисы» и дальше на восток — «в жребий Симов», т. е. в мусульманские страны. Во времена арабского владычества этот великий водный путь, по которому Европа посылала в Азию меха, невольников, мед и воск в обмен на шелк, серебро, пряности, архитекторов и проповедников ислама, заметно оживает.

Одно из государств Среднего Поволжья явилось особенно заметным посредником в сношениях Восточной и Северной Европы с азиатскими мусульманскими странами. Это и было государство болгар, одно из многочисленных европейских средневековых государств, выросших в результате общественно-экономического развития нескольких народов, издавна занимавших берега среднего течения Волги и ее притоков. Тюрки-болгары в процессе созидания этого поволжского государства играли ведущую роль.

Время его образования и общая историческая обстановка в Европе того времени не могли не сказаться на характере развития общественных отношений у болгар. Распад первобытно-общинного строя, образование классов и дальнейшая история классовых отношений у болгар ничем принципиально не отличались от аналогичных процессов у других средневековых европейских обществ. Мы хотя и не имеем прямых тому доказательств, но факты более поздних времен из жизни болгар с полной очевидностью подтверждают данное положение.

Эти общие черты в развитии средневековых государств предполагают бесконечные варианты в истории каждого средневекового общества и государства, что прежде всего относится к Болгарскому государству с его резко бросающейся в глаза спецификой в виде весьма заметных еще в X в. пережитков кочевания.

Изучение истории Болгарского государства именно благодаря этим его особенностям представляет большой научный интерес.

К сожалению, мы лишены возможности сделать это так, как хотелось бы, как заслуживает самый предмет исследования: у нас нет достаточных для этого источников.

Правда, в нашем распоряжении имеется сравнительно богатый археологический материал. Но при полном отсутствии собственно болгарских письменных памятников этого раннего периода и при противоречивости и малой достоверности большинства рассказов иностранных, в основном арабских, ученых и путешественников археологический материал не может дать ответа на все многочисленные встающие перед исследователем вопросы.

Самыми надежными письменными источниками для наших целей служат сообщения Ибн-Рустэ и Ибн-Фадлана.

Ибн-Рустэ, писавший в начале X в. (до 913 г.), был персом, жил в одной из северных областей Персии, может быть в Хорасане или Ховарезме, как думает Д. А. Хвольсон, знал хорошо жизнь приволжских народов, так как сношения государства саманидов с народами Поволжья к X в. достигли высшего своего развития.

Известия этого автора, по словам его исследователя, «отличаются ясностью, трезвостью взгляда и достоверностью; по крайней мере, насколько мы можем проверить их по сообщениям европейских писателей, они большею частью верны, что нам дает право верить и тем его показаниям, поверка которых невозможна»¹.

Ибн-Фадлан, один из членов посольства арабского халифа к болгарам, интересен тем, что лично посетил Болгарию в 922 г., имел возможность наблюдать жизнь болгар в различных ее общественных слоях и в различных проявлениях. Его сообщения при этих условиях приобретают исключительный интерес. К тому же именно сейчас, благодаря вниманию иранского правительства, подарившего Эрмитажу в 1935 г. фотоснимок с недавно найденной рукописи, мы имеем в своем распоряжении текст Ибн-Фадлана не в передаче Якута, которым приходилось пользоваться до самого последнего времени, а копию XVI в. с подлинного произведения самого автора. Новый текст прекрасно издан и переведен Ковалевским под редакцией акад. И. Ю. Крачковского в 1939 г.

Значительным подспорьем в изучении древнего периода истории Болгарии являются русские летописи, явно свидетельствующие о большой заинтересованности этих двух соседних государств во взаимном общении.

Значительность русских известий о Болгарии и самый характер болгаро-русских отношений, проливающий свет на историю Болгарии, оправдывают помещение в настоящей работе специального параграфа, несколько нарушающего ее архитектонику.

Положение исследователя болгарского общества и государства ранней поры нельзя считать легким.

Тем не менее при общей скудости письменных источников все же можно создать представление о хозяйстве, общественных и политических отношениях Болгарского царства, хотя и не столь полное, как требует этого важность изучаемого объекта.

1. ХОЗЯЙСТВО

1. Земледелие, скотоводство, промыслы

Ибн-Фадлан посетил Болгарию тогда, когда она представляла собой уже государство, т. е. когда она успела пройти в своей истории значительный путь. Общинно-первобытный родовой строй для Болгарии в начале X в. уже был в прошлом. Болгарский народ в это время в значительной мере не только «жил на земле», но и успел ее освоить. Ибн-Фадлан застал здесь налаженное земледелие и индивидуальное освоение земли. Его предшественник по описанию Болгарии — Ибн-Рустэ, использовавший письменные источники IX в., — решительно подтверждает замечания Ибн-Фадлана.

¹ Д. Х в о л ь с о н. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 13.

Ибн-Фадлан, отметив наличие у болгар «в большом количестве»¹ проса, пшеницы и ячменя, прибавляет: «каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя»². Ибн-Рустэ говорит еще более определенно: «Болгары народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и другие»³. Его замечание относительно хозяйства непосредственных соседей болгар — буртасов еще резче оттеняет основную мысль автора. Буртасы, несомненно, отставали от болгар в своем экономическом развитии. Они, пишет Ибн-Рустэ, «имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в куньих мехах. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха, куньи и мех вообще»⁴.

В русской «Повести временных лет» под 1024 г. записан факт, что во время голода в Суздальской земле русские люди отправились «в Болгары и привезоша жито и тако ожиша»⁵. Археологические данные — находки сошников — не только полностью подтверждают показания письменных источников, но позволяют составить некоторое представление о технике земледелия. Соха — это орудие, взрыхляющее землю, т. е. пашенное орудие, — свидетельствует о довольно высоком уровне земледельческой техники. Очень вероятно, что подсека не была в это время окончательно ликвидирована, но несомненно, что более совершенный способ обработки земли при помощи пашущего орудия в X в. был болгарам уже хорошо известен и прочно вошел в жизнь.

Если же мы примем во внимание высокое качество земли этого края, дающей хорошие урожаи даже и без удобрения, то нам станет совершенно ясно, что труд земледельца здесь оправдывался вполне и что земледелец кормил своим хлебом не только себя и своих соплеменников, по роду занятий не могущих обрабатывать землю, но в случае нужды имел возможность отдать излишек своего хлеба и тем самым помочь другому народу, оказавшемуся вследствие неурожая в беде, как это и засвидетельствовано русской летописью.

О земледельческом быте народов Поволжья говорят и названия их месяцев. Весенние месяцы — март, апрель, май (не совсем точно совпадающие с делением года у чувашей и мари), — носят характерные названия: «науз-ойых» (от «нау» — новый, «руз» — день), за ним идет «пож-ойых» (от «пожа» — пустой, праздный, свободный; татарское «буж», киргизское «бос», алтайское «пош»), т. е. месяц, свободный от земледельческих работ, далее «ага-ойых» (от «ага» — косуля, плуг; «ак» — пахать плугом, поднимать новь; турецкое «эк», киргизское «ек», татарское «иген»), т. е. месяц пашни и сеяния ярового хлеба.

Месяцы июнь, июль, август (часть) составляют три летних месяца, из которых: первый — по-чувашски «сьуртмэ-ойых», т. е. паровой месяц, пора удобрения (от слова «сьурть» — гноить), у мари месяц уваживания, второй — месяц сенокоса; третий — месяц серпа или жатвы. У мари кроме того есть еще различие: месяц жатвы ржи и особо месяц жатвы овса. Осенние месяцы — это месяц сбора льна, месяц молотбы, овинный месяц⁶.

У кочевников-киргизов календарь совсем другого характера: месяц,

¹ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 145.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, изд. АН СССР, 1939, стр. 72.

³ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Лаврентьевская летопись, изд. 1897, стр. 144.

⁶ Н. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1875, стр. 192—198.

когда ягнятся овцы («кои коздаиды»), месяц, когда начинают доить кобыл для кумыса («буе байлаиды»), месяц стрижки овец («кузум»), месяц, когда режут скот в зимний запас («созум») и т. д.¹

Нет никаких оснований думать, что эти названия месяцев — позднего происхождения.

Ибн-Фадлан, говоря об основной пище болгар, отмечает: «Их пища — просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя, и у царя нет на это [эти посевы] никакого права, за исключением того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя»².

Ибн-Рустэ о податях и других сборах у болгар сообщает несколько иначе: «Подать царю всему платят они лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади...»³

Полезно также обратить внимание и на самые распространенные напитки у болгар, свидетельствующие о второстепенном (по сравнению с земледелием) значении скотоводства. Обычные напитки здесь приготавливаются из меда (о медовом напитке Ибн-Фадлан говорит два раза) и из ячменя («Они делают из ячменя мучной напиток, который пьют маленькими глотками...»), пьют они также и березовый сок. Ни разу Ибн-Фадлан не назвал молочного напитка — кумыса или чего-нибудь в этом роде, т. е. обычного напитка истых кочевников-скотоводов.

Несколько неожиданно стоит замечание испанского путешественника XII в. ал-Гарнати: «болгары питаются медом, мясом бобров и белок»⁴. Непонятно, почему ал-Гарнати ничего не сказал о хлебе или о мясе более обычных для еды животных. Может быть он хотел подчеркнуть обилие меда у болгар, действительно отмечаемое многими авторами, и из мясной пищи назвал лишь ту, которая его удивила своей необычностью и которая, по его мнению, давала болгарам способность переносить большие холода.

Несомненно, земледелие к X в. заняло ведущее место в хозяйстве народов, вошедших в состав Болгарского ханства, но скотоводство как самостоятельная отрасль хозяйства (а не как подсобная к земледелию) еще имело место и, по видимому, очень значительное. Ибн-Фадлан отмечает один важный в этом отношении факт, который нельзя иначе понять, как указание на кочевание самого царя болгар, его приближенных и подданных: царь болгар «переехал от воды по имени Халджа (три озера. — Б. Г.) к реке, называемой Джавашир, и оставался около нее два месяца. Потом он захотел [снова] переехать и послал к племени, называемому Саван [или Савар], приказание ехать вместе с ним»⁵.

Эл-Балхи отмечает то же самое: у них «дома... деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам»⁶.

Для правильной оценки этого сообщения надо принять во внимание наличие у болгар этого времени городов и постоянных поселений и пашенного земледельческого хозяйства. Тем не менее нельзя отрицать значения скотоводства (связанного с кочеванием) как самостоятельной отрасли хозяйства.

Итак, из всех показаний источников явствует, что: 1) основная

¹ Н. Ильминский. Материалы к изучению киргизского наречия.

² Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 72.

³ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 24.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 76.

⁶ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 82.

отрасль хозяйства у болгар — земледелие; 2) скотоводство у болгар не было лишь необходимым придатком к сельскому хозяйству, а имело самостоятельное хозяйственное значение.

Последнее заключение получает подтверждение и в том, что, как нам известно даже из более поздних источников, в южной части этой территории кочевание скотоводов было явлением обычным.

Из косвенных показаний арабских источников не трудно вывести заключение и о предметах собственного производства болгар.

Так как у болгар было много скота, то, вполне естественно, у них должна была развиться обработка шерсти и кож. Так оно и было. На Востоке хорошо выделанная кожа носила специальное название «болгарской» юфти. Этот продукт шел за границу и одновременно пользовался широким распространением среди болгарского населения.

Очень характерен рассказ «Повести временных лет» о том, что после победы, одержанной Владимиром Святославичем над болгарями в 985 г., воевода Владимира и его дядя Добрыня обратил внимание на обую болгарских пленных: они все оказались в сапогах.

Прекрасно умели болгары выделывать из шерсти животных войлоки. Ибн-Фадлан видел болгарские юрты, сам жил в них, посещал болгарского царя, который принимал его в своей собственной огромных размеров юрте.

Выделывали болгары и войлочные шапки.

По имеющимся у нас сведениям, болгары вывозили на Восток не шкуры животных, а выделанный мех; выделка мехов тоже составляла самостоятельную отрасль местного производства.

С полным основанием можно предполагать, что болгары выделывали из березового дерева, в изобилии растущего у них, стрелы, необходимые им для охоты и войны. Конечно, изделия из дерева не ограничивались одними стрелами: деревянные предметы домашнего обихода производились на месте; о деревянных домах, которые строились, конечно, самими болгарями, уже говорилось выше.

На месте производились и посуда, глиняная и медная, замки, женские украшения, юбруа и многое другое, о чем свидетельствуют археологические находки как самих произведений болгарского ремесла, так и тех инструментов, порой очень тонких, которые употреблялись ремесленниками в различных производствах.

Нет никакой возможности по состоянию наших источников сделать сколько-нибудь полный перечень производств ни ремесленников, ни крестьян. Здесь можно только строить более или менее обоснованные догадки¹, чего я делать не собираюсь, но не могу не высказать общего впечатления от разрозненных замечаний различных арабских авторов и от добытых археологами вещей: все они в совокупности говорят совершенно отчетливо о значительном развитии ремесла и домашней деревенской промышленности.

2. Торговля

Старый водный торговый международный путь по Волге, очень хорошо известный народам Европы и Азии, особенно энергично использованный арабами, положил весьма заметный отпечаток на хозяйство народов Поволжья и прежде всего на хозяйственный облик Болгарского ханства.

¹ Самую полную в этом направлении попытку мы имеем в статье: А. Смирнов. Очерки по истории древних болгар, «Труды Гос. исторического музея», XI, 1940.

Арабские известия о народах Поволжья, в частности о болгарях, пестрят сообщениями о торговле болгар с различными странами, не только соседними, но и весьма отдаленными. Они же (эти известия) дают понять, что торговля с Болгарией вызвана к жизни гораздо в большей степени заинтересованностью далеких стран в специфических богатствах Европейского Севера, Среднего Поволжья и Руси, чем потребностью в сбыте своих продуктов самой Болгарии.

Несмотря на то, что болгары имели свой речной флот и плавали по Волге и ее притокам на север к народу веси, а также по Волге и Оке в русские земли, все же от чтения источников остается такое впечатление, что более активная роль в торговом общении на Волге принадлежала Руси, хазарам и мусульманским восточным странам. В руках последних была и караванная торговля, хотя и из Болгарии караваны ходили на Восток. Ибн-Фадлан ясно говорит: «И когда прибывает корабль из страны хазар в страну славян (Ибн-Фадлан так называет болгар. — Б. Г.), то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем, берет из всего этого десятую часть. А когда прибывают руссы или же другие из прочих племен с рабами, то царь право же выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову»¹. Руссы «прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река...»².

О караванах, направляющихся из Болгарии на Восток, говорит Масуди. Караваны шли и с Востока в столицу Хазарского царства и к болгарам. Ибн-Фадлан совершил свой путь в Болгарию на верблюдах.

С народом весью торговля велась меновая.

«Из земли Веси также ввозились в Болгарию разные меховые товары, как то: меха соболий, бобровый и беличий», — сообщает Якут. От Якута же мы узнаем, что для закупки этих товаров купцы отправлялись в страну веси обыкновенно водой по Волге. Захария Казвини (XIII в.) сообщает, что «булгары доставляют туда к Вису (Весь. — Б. Г.) в трех месяцах дороги от Булгары, где ночь иногда продолжается не более часа, а иногда бывает очень длинна. Всякий кладет свои товары с особенным знаком на место и оставляет. Потом приходит опять и находит товар, нужный для его страны, подле. Если доволен им, то берет его в промен, и оставляет за него свой товар. Если нет, то берет его назад. Покупатель и продавец не видят друг друга»³. Багута, который сам бывал в Болгарии в 20-х гг. XIV столетия, описывает эту торговлю почти так же, присоединяя любопытное описание путешествия на собаках в эту «землю мрака»⁴.

Полную аналогию этому виду торговли мы имеем и в описании новгородской торговли с югрой: «Угра же суть людье язык нем и соседятся с самоедь на полунощных сторонах... Суть горы зайдуче в луку моря, им же высота аки до небеси; и в горах тых клич велик и говор и секуть гору, хотяще просечися; и есть в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, не разуметь языку их, но кажутъ железю и помавають рукою, просяще железя; и аще кто дасть им железю, или нож, или сокиру, и они дають скорою противу»⁵.

В приведенных двух известиях изображены новгородцы и болгары

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 78.

² Там же, стр. 79.

³ Цитирую по М. П. Погодину (Исследования, замечания и лекции, т. III, стр. 274); Погодин ссылается на Френа.

⁴ То же.

⁵ Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 163.

в их сношениях с далекими народами Севера, югрой и весью. Само собой разумеется, что эти приемы торговли вызваны особенностями общественных отношений у веси и югры и не могут характеризовать состояния и общепринятых приемов торговли ни в Новгороде, ни в Болгарском ханстве.

Даже самое раннее известие о болгарской торговле, принадлежащее Ибн-Рустэ, изображает эту торговлю иначе: «Хозаре ведут торг с болгарам, — пишет он, — равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них [т. е. руссов], которые живут по обоим берегам помянутой реки (Волги. — Б. Г.), везут к ним [болгарам] товары свои, как то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие»¹. Руссы своих пленников «отправляют... в Хозеран и к болгарам и продают там»². «Когда приходят к ним (болгарам. — Б. Г.) мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть [товаров]»³. «Главное богатство их (болгар. — Б. Г.) составляет куний мех. Чеканной монеты своей нет у них. Звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиной. Белые круглые диргемы приходят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары»⁴.

Эл-Балхи, писавший в первой половине X в., дает довольно подробный перечень товаров на рынках Болгарии и указывает торговые пути, связывающие Болгарию с другими странами: невольники и меха идут сюда из стран славян, хазар и других соседних с ними. Из Болгарии эти товары направляются на Восток — «в Саманидское государство и оттуда в отдаленные места исламских земель». Из Болгарии же в Хазарию идет также мед и воск.

Арабский географ конца X в. (Мукаддеси) к этому перечню товаров, идущих из Болгарии, прибавляет рыбу, стрелы, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровую струю, янтарь, юфть, орехи, мечи, кольчуги, березовый лес, овец, рогатый скот. Часть этих товаров — не местного производства, а привозные из других стран.

Болгары, по этому сообщению, торгуют с Русью, хазарами и мусульманскими странами. Главный товар, привозимый из Руси, — меха. Товар очень показательный: болгары для своего потребления в русских привозных мехах не нуждались, следовательно Русь посылала свои меха сюда для дальнейшего направления их вниз по Волге на восток. Хазары своих мехов не имели. Они брали меха с подвластных им славянских племен в виде дани и препровождали их между прочим и через Болгарию для тех же восточных стран.

У нас есть некоторые сведения о том, что именно привозили сюда купцы из восточных стран. Ибн-Рустэ говорит, что болгары носили кольчуги. Д. А. Хвольсон полагает, что кольчуги эти шли с Востока. Эл-Балхи сообщает, что одежда хазар и соседних с ними народов состоит из курток и верхнего платья (одежда «хазар, болгар и печенегов — совершенные (длинные) куртки». «Сами же они не изготавливают материй для платья, а их привозят к ним из Джорджана (на правом берегу Аму-Дарьи. — Б. Г.), Табаристана, Армении, Азербайджана и Византийского государства»⁵.

Ал-Гарнати говорит о необделанных клинках, которые привозились в Болгарию из исламских владений»⁶.

¹ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 23.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 24—25.

⁵ Там же, стр. 169—170.

⁶ Там же, стр. 190.

О восточных товарах, привозимых арабами в Болгарию, можно судить и по тем вещам, которыми арабское посольство одаряло нужных им лиц, встречаемых по пути в Болгарию и в самой Болгарии. В 922 г. командующему гузским-туркменским войском арабы поднесли шелковые и парчевые одежды, изюм, орехи, перец, просо, 50 динаров, мускус, кожи, куртки, сапоги, шелковые покрывала, перстни¹.

У туркмен был обычай принимать мусульманина в качестве гостя только тогда, когда ему назначают «друга», у которого мусульманин и должен остановиться, при этом он дарит своему хозяину-«другу» привезенные «из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов»². Болгарскому царю и царице послы халифа дарили благовония, одежды, жемчуг, халаты³.

Вероятно, перед нами обычный и довольно полный ассортимент вещей, привозимых арабами с Востока.

Мы знаем еще одну вещь, которой чрезвычайно дорожили и Русь, и хазары, и болгары, — это арабские круглые (белые) серебряные монеты. В них была большая нужда.

Хазары никогда не имели собственной чеканной монеты, болгары и Русь чеканили ее в очень небольших количествах. Арабские диргеми ходили и тут и там в изобилии. Ибн-Рустэ по этому поводу замечает, что руссы продавали в Болгарии и Хазарском каганате меха и невольников за наличные «деньги» и завязывали (их) накрепко в свои пояса⁴. Ибн-Фадлан тоже рассказывает, как руссы молились своим идолам, чтобы боги послали им покупателей «с многочисленными динарами и дирхемами»⁵.

Дирхемы в придворном ритуале болгарского царя играют очень заметную роль. При встрече с послами халифа царь осыпал их дирхемами. Когда послы облачили царицу в привезенные ей в подарок дорогие одежды и возложили на нее драгоценности, придворные женщины «рассыпали на нее дирхемы»⁶. По сообщению того же автора, богатство руссов измерялось количеством имеющихся у них дирхемов: «... если человек владеет 10 000 дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто, а если владеет 20 000, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые 10 000, которые у него прибавляются, прибавляются в виде монистов у его жены»⁷.

Это обилие арабских монет в Болгарии необходимо сопоставить с замечанием Ибн-Рустэ относительно куньего меха в качестве денег у болгар.

Нет ничего удивительного, что куньи меха имели хождение в качестве денег в IX в. и первой половине X в., а может быть, и позднее. Так было не только в Болгарии. Но значит ли это, что других денег в Болгарии в это время не было? Совсем не значит: во-первых, потому, что арабские диргеми в достаточной мере наводняли Болгарию, во-вторых, в нашем распоряжении имеются и собственные болгарские монеты, обследованные Френом. Самая ранняя из дошедших до нас — 949—950 гг., позднейшая — 976 г. Затем идет перерыв в чеканке. Это и заставляет многих исследователей предполагать, что чеканка собственной монеты скоро на некоторое время прекратилась

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 64.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 67—68.

⁴ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 36.

⁵ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 80.

⁶ Там же, стр. 67, 68.

⁷ Там же, стр. 78—79.

совершенно, подобно тому, как это было и в Киевской Руси и в Швеции. Перерыв в чеканке говорит о том, что особой нужды в ней не было: Русь вместо монет пользовалась, например, гривнами (т. е. слитками серебра определенного веса) и их частями. Правда, надо сказать, что сведения Ибн-Рустэ о монетах относятся к IX в., когда у болгар своей монеты, повидимому, действительно не было. Диргемы вполне удовлетворяли болгарский и русский рынки. В последний попадало также не мало монет западных: вятичи платили хазарам, а потом и Киеву «по щлягу» (шиллинг), поляне, северяне и вятичи хазарам «по беле и веверице», где «бела» и есть «белый круглый дирхем» Ибн-Рустэ. На такое именно понимание текста наводит и факт, записанный в Ипатьевской летописи под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них [ятвягах] дань. Ехав же Коснятин, поима на них дань: черные куны и белъ («и бело» в другом варианте) сребро, и вдасть ему»¹. Ятвяги в XIII в. платили дань мехами и серебряной монетой, конечно, не собственной чеканки.

В «Истории Татарии в материалах и документах» приведены изображение болгарских монет собственной чеканки и таблица, составленная Н. Калининым, из которой видно, что в середине X в. болгарские монеты чеканились в болгарских городах — Суваре и Болгаре².

3. Торговые и политические связи с Русью

Многочисленные арабские монеты, находимые в различных частях Восточной Европы, не раз были предметом ученых размышлений и гипотез. Никто никогда не сомневался в том, что это — свидетель живых сношений Европы с мусульманским Востоком, по своей культуре в рассматриваемое нами время стоявшим выше Европы.

Но редко ставился во всю ширь вопрос о взаимоотношении этих двух культур с точки зрения воздействия их друг на друга и обоюдной заинтересованности.

Глубокий знаток арабских источников Д. А. Хвольсон, например, безусловно недооценивает хорошо всем известный факт нахождения куфических монет на русской почве VII—VIII вв. Он просто сомневается в возможности торговых сношений Руси с Востоком в это время.

Исходя из предвзятого положения, что эти сношения могли иметь место только с IX в., он старается объяснить очевидный факт, противоречащий этому положению, довольно искусственными, на мой взгляд, соображениями: монеты VII—VIII вв. попадали-де на Русь позднее, именно в IX в., потому что «восточные страны старались сбыть иностранцам свои старинные, не имеющие больше ходу монеты»³. Мне думается, что объяснение это понять довольно трудно: во-первых, непонятно, что это за «старинные» монеты, якобы потерявшие свое значение денег и в то же время имеющие большой спрос и сбыт в иноземной торговле! Такой случай едва ли возможен вообще, а при постоянных и налаженных торговых связях Востока с Европой тем более. Во-вторых, непонятно, каким образом и кто именно в Болгарии держал негодную монету в течение двух веков в предвидении, что в IX в. ее можно будет сбыть за границу.

Зачем понадобились эти натяжки, ответить нетрудно: автор уверен, что до IX в. русский народ находился на таком низком уровне

¹ Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 553—554.

² «История Татарии в материалах и документах», М., 1937, стр. 21—22.

³ Д. Хвольсон. Указ соч., стр. 165.

развития, что общение с ним более культурному Востоку было не нужно и не интересно, а посему и общения этого не могло быть и не было.

Ну а если стать на другую точку зрения и серьезно посчитаться с наличием на Руси и до IX в. городов, ремесел и торговли, что не трудно обосновать фактами? Как быть тогда? Тогда не понадобится никаких натяжек, а факты займут подобающее им место. Мне кажется, что именно так и надо поступить в данном случае. Наличие куфических монет в большом числе на русской территории в VII—VIII вв. следует использовать как одно из многих доказательств известного уровня хозяйства Руси до IX в.

Этот пример недооценки культурного уровня Руси до IX в. может быть использован и для установления, как мне кажется, более справедливого критерия в вопросах, связанных с историей камско-волжских болгар. Только дальнейшая трагическая судьба этого государства в связи с нашествием татар объясняет нам скудость материалов о нем, полное отсутствие собственно болгарских письменных памятников и целый ряд недоговоренностей о нем в исторической науке.

Болгары были заинтересованы в торговле с Русью не только потому, что они из Руси получали вышеперечисленные товары. Русь была интересна болгарам и как рынок сбыта, куда они возили, очевидно, товары (главным образом идущие с далекого Востока).

Только так можно понять очень ценное и заслуживающее полного доверия известие Татищева о договоре, заключенном Владимиром Святославичем с Болгарией. В 1006 г. «прислали болгары [волжские] послов с дарами многими, — читаем в «Истории» Татищева, — дабы Владимир позволил их в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и дал им во все града печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения: А болгаром все их товары продавать во градах купцам и от них купить, что потребно. А по селам не ездить туном, вирником. Огневтине и смерди не продавать и от них не купить»¹. (Знаки препинания мои. — Б. Г.). Торговое соглашение с Болгарией было заключено, очевидно, на более или менее равных условиях. Купцы обоих соседних государств, согласно договоренности, должны были торговать беспрепятственно. Русская сторона разрешала торг у себя только в городах. Это совершенно естественное и обычное условие вызывалось именно тем, что в городах можно было организовать сбор торговых пошлин, в селах и деревнях этого было сделать нельзя.

Поскольку мы здесь имеем дело не с подлинным текстом, а с вольной передачей его Татищевым, к тому же и изданным не совсем верно, нельзя ручаться за каждое слово сообщения, за точность передачи текста. Можно быть лишь уверенным, что Татищев договора не выдумал и не искажил его основного содержания. Поэтому неясную деталь относительно «тиунов» и «вирников» можно даже оставить без рассмотрения. Я думаю, что запрещение «по селам не ездить», не продавать и «не купить» относится только к болгарским купцам.

Очень вероятно, что даже печати, о которых говорит договор, до

¹ Этот важный текст из напечатанной «Истории» Татищева был сверен с подлинной рукописью, и выяснилось, что напечатан он неверно. Я привел его в исправленном по подлиннику виде. См. М а р т ы н о в. Договор Владимира с волжскими болгарями 1006 года, «Историк-марксист», № 2, 1941.

нас дошли. Об этом говорит составитель комментария к первому отделу «Истории Татарии в материалах и документах»¹.

Торговое соглашение Руси с Болгарией свидетельствует также и о том, что Русь была тоже заинтересована в получении таких продуктов, которых ей не хватало, которые не производились на Руси. Многие предметы, изготовленные на Востоке, таким образом очутились в нашей стране и сейчас частично хранятся в наших музеях.

Договор знаменовал также прекращение недавних военных действий между Русью и Болгарией (война 985 г.) и вступление обоих народов в полосу мирного сотрудничества.

Относительно этого похода в нашей науке существуют разные мнения. Е. Е. Голубинский в своей «Истории русской церкви»² высказал мнение, что Владимир ходил не на волжских болгар, а на дунайских, так как иначе не может быть понятна летописная запись под 985 г.: «Иде Володимер на болгары с Добрынею... в лодях, а торкы берегом приведе на коних». Е. Е. Голубинскому казалось «в высшей степени странным, как Владимир мог «идти в лодях» и вести торков «берегом» до Болгарии Волжской». По его мнению, конница и не могла пробраться из Руси по лесам. Отсюда автор полагает, что поход был сделан на Балканы. Такого же приблизительно мнения и Барсов³.

За Е. Е. Голубинским идет в последнее время М. Н. Тихомиров⁴, который, разделяя сомнения Голубинского, прибавляет от себя, что-де и торки жили к югу от Киева. Замечание «Памяти и похвалы Иакова» — памятника, безусловно заслуживающего доверия, — о том, что Владимир ходил на болгар серебряных, т. е. несомненно волжских, М. Н. Тихомиров отводит тем, что в некоторых вариантах «Похвалы» имеется написание «серебряны и болгары», т. е. якобы здесь «и» — не окончание, а союз. Не говоря о том, что начертание «и» несколько поодаль от «ы» еще не дает права превращать это окончание в союз, автор не обращает внимания на то, что тогда вся фраза теряет смысл. Неужели же Владимир сделал два похода на каких-то серебряных, а потом на болгар? Не только «Похвала», но и летопись говорит о серебряных болгарях («Победами болгаром, иже по Волге» — Воскресенская летопись).

Другого мнения держится М. С. Грушевский. Он подчеркивает, что речь идет о серебряных, т. е. именно волжских болгарях, и считает этот поход продолжением похода Святослава. Поход на Балканы М. С. Грушевский считает невозможным по общей международной ситуации данного момента, ссылаясь при этом на арабское свидетельство Яхьи⁵. Насчет невероятности похода конных торков «берегом» и Владимира на ладьях в волжскую Болгарию лучше всего говорит Ипатьевская летопись под 1182 г. Когда Всеволод Юрьевич тоже шел на «серебряных болгар», здесь были опять торки, и шли они в поход «на конех» и русская рать шла частью в ладьях, частью «на конех в землю Болгарскую к великому городу Серебряных болгар»⁶.

Наконец в «Повести временных лет», где говорится о главных

¹ «История Татарии в материалах и документах», М., 1937, стр. 36, прим. 69.

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. 1, 1901, стр. 167.

³ Б а р с о в. Очерки исторической географии, стр. 286.

⁴ «Исторический журнал», № 10—11, 1941, стр. 67.

⁵ М. Г р у ш е в с к и й. История Украины-Руси, I, 1913, стр. 486.

⁶ Ипатьевская летопись, изд. 1871, г., стр. 423; ср. также Никоновскую летопись, ПСРЛ, X.

речных системах Русской земли, предусмотрен водный путь именно с Днестра в Болгарское царство: «Тем же и из Руси может ити (по Волге) в Болгары...» Так ходили русские люди очень давно.

Мне кажется, что нет оснований отвергать поход Владимира именно на болгар волжских.

К сожалению, мы лишены возможности следить за возникновением и развитием этих отношений между двумя народами и государствами. Повинен в этом общий характер русских летописей, скудость арабских сообщений и полное отсутствие собственно болгарских. Русские летописи говорят о Болгарии очень односторонне: почти исключительно рассказывают о военных столкновениях с Русью, хотя тут есть и интересные исключения.

В недатированной части «Повести временных лет», где автор подчеркивает, что «из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалисы и на восток дойти в жребий Симов», ярко обнаружено не только четкое знание автора «Повести» географии своей страны, а показана заинтересованность его родины в связях с болгарами, прикаспийскими народами, Средней Азией, а может быть, и с еще более далекими странами, поскольку «жребий Симов» автор «Повести» раскрывает как Персию, Бактрию и «даже и до Индии»¹. Многие из этих путей были проложены Русью раньше, чем они попали на страницы первой русской истории.

Другое известие летописи о том, что в 1024 г. во время голода на Руси русские люди ездили в Болгарию за хлебом, было приведено выше. О летописной записи относительно мученика Авраамия скажем ниже. Собственно это и все, если не считать договора Руси с Болгарией, отсутствующего в дошедших до нас летописях и сообщенного по неизвестным нам источникам Татищевым. В наших летописях в общем даже несомненно оживленные торговые связи двух государств очень мало освещены. А между тем торговое общение между ними началось очень давно, о чем говорит запись в недатированной части «Повести временных лет», — конечно, до IX в. Куфические монеты VII—VIII в., находимые на Руси, это подтверждают полностью. Ибн-Русъ, использовавший источники IX в., рассказывает о торговле Руси с Болгарией как о явлении старом, о связях хорошо налаженных.

«Хазары, — читаем у него, — ведут торг с болгарами, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них [русов], которые живут по обоим берегам помянутой реки (Волги. — Б. Г.), везут к ним [болгарам] товары свои, как то: меха собольи, горностаевы, беличи и другие»². Эл-Балхи тоже говорит о том, что «хазары ведут торговлю с болгарами и также руссы»³.

Куюба (Киев) давно известен арабам. Они пишут о нем до появления Рюриковичей на нашей исторической сцене и, конечно, не из простого любопытства. Эл-Балхи называет Киев большим городом, «больше Болгара», городом известным, столичным, где живет царь руссов, куда стекаются люди («по делам торговым», — прибавляют арабские комментаторы)⁴.

Старые связи Болгарии с Киевом подтверждаются сообщением Эл-Балхи и тогда, когда он указывает на расстояние от Болгара до Итиля, столицы хазар, с которой болгары были связаны экономически и политически, и от Болгара до Киева, о котором не было бы

¹ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 1.

² Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 23.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, стр. 171.

никакой нужды упоминать, если бы болгары не имели постоянных сношений с этим последним: «от Итиля до Болгары расстояние по степям — около одного месяца пути; водою же вверх по реке около 2 месяцев, вниз по реке около 20 дней... От Болгара до Кужбы [Киева] около 20 дней пути»¹.

Первое крупное событие, связанное с политической судьбой Болгарии, отмеченное «Повестью временных лет», — это поход Святослава Игоревича на хазар.

В самом начале своей политической деятельности (по летописи в 964 г.) Святослав ходил на Оку и Волгу и отвоевал у хазар вятичей. Арабский писатель Ибн-Хаукаль, современник Святослава, об итогах его походов писал более подробно: «В наше время ни у болгар, ни у буртасов, ни у хазар не осталось ничего, потому что руссы напали на них и взяли у них все эти страны. Беглецы живут в соседнем крае, надеясь впоследствии возвратиться на родину как подданные руссов»².

Ибн-Хаукаль имел в виду не один поход 964 г. на Волгу и Оку, а итоги военно-политической деятельности Святослава на Востоке.

Святослав, положив конец самостоятельному существованию Хазарского каганата, освободил тем самым Болгарское царство от хазар. С этого времени буртасы, повидимому, объединились с Болгарией, так как мы не имеем никаких признаков ни их политической самостоятельности, ни их вхождения в состав Киевского государства.

Далее «Повесть» говорит о походе Владимира Святославича 985 г. Сообщение носит некоторые следы легенды, успевшей овеять не вызывающий сомнения факт. Князь Владимир с дядей своим Добрыней ходил в поход на ладьях, а конное войско торгов лустил берегом, т. е. проделал военную операцию, повторающуюся не раз по одному и тому же техническому и стратегическому плану. Конечно, только так и можно было подойти к Болгарии, т. е. водой и сушей — «берегом»³. Победа осталась за Владимиром, но воспользоваться ею так, как обычно пользовались киевские князья, т. е. включением побежденных в состав своей державы, не пришлось, якобы по совету Добрыни, заметившего материальную силу и известную высоту культуры противника: «Соглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти; спондем искать лапотников». Мир был заключен на известных нам условиях, но болгары не верили в его прочность. «То ли не будет межю нами мира, — говорили они, — елико камень начнет плавати, хмель почнет тонуть».

В ближайшее, однако, после договора время мир между двумя государствами не нарушался. Согласно сообщению «Повести», в 986 г. приходили в Киев болгары с целью склонить Владимира к принятию магометанства. Думать, что это были болгары дунайские, невозможно, так как дунайские болгары официально приняли христианство за полтора столетия перед этим. Автор «Повести», ведя свой рассказ дальше, передает, что в следующем году Владимир послал делегацию в разные страны для непосредственного ознакомления с религиозными культами разных народов. «Идите первое в Болгары, — якобы говорил Владимир, — идите паки в Немцы... и оттуде идите в Греки».

Можно подвергнуть сомнению самый факт диалога болгарских проповедников ислама с Владимиром, но не прекращающиеся сношения Киева с серебряными болгарями едва ли можно отрицать: только на этой почве могла возникнуть эта деталь в самом сказании о вы-

¹ Д. Хвольсон. Указ., соч., стр. 83.

² Там же, стр. 84.

³ Διάρης переводится «берегом». См. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря.

боре веры. Не вызывает сомнения и факт, сообщаемый Татищевым, о заключении Владимиром договора с болгарями, о чем уже говорилось выше.

Итак, не только военные, но и торговые и культурные нити издревле связывали обе страны.

Я напомнил все эти хорошо известные факты исключительно с целью показать, что даже в рассказах «Повести временных лет», отнюдь не имевшей задачи изобразить экономические связи Болгарии и Руси, сквозит этот экономический интерес в мирных отношениях, он же является причиной и военных столкновений.

Казалось бы, что взаимная заинтересованность в продолжении торговых отношений между двумя государствами могла бы послужить основой для их мирного сотрудничества, но это только при поверхностном взгляде на вещи. Если всмотреться в этот предмет глубже, то, пожалуй, придется согласиться с тем несомненно умным и дальновидным болгаринном, который высказал сомнение в возможности длительного мира между Русью и Болгарией. Ведь речь шла не просто об обмене продуктами между двумя странами к обоюдной выгоде обеих. Из характера торговых отношений Руси и Болгарии можно легко сделать вывод о неизбежном столкновении обеих стран в двух пунктах: 1) добывание на Европейском Севере пушнины, 2) торговля с восточными исламскими странами. Лучшие, наиболее ценные меха (чернобурая лисица, соболь) добывались и Русью и Болгарией в одном и том же месте, одинаково обе страны были заинтересованы и в связях с Востоком, куда вел единственный путь — Волга, часть которой находилась издавна в руках русских (верхнее течение), другая — в руках болгар (среднее течение), а низовье — в руках хазар. После разгрома последних Русь утверждается в прикаспийских степях и заходит на Северный Кавказ. Среднее течение Волги остается в руках болгар. Две конкурирующие страны с явным перевесом сил на стороне Руси не могли иметь долгого мира. Понимали это обе стороны. Болгары высказали свои мысли вслух. Поведение Руси тоже было совсем не двусмысленным.

По мере укрепления северо-восточной Руси, по мере продвижения ее к Волге военные столкновения делаются чаще, и сообщения о них более детальны. В 1088 г. болгары взяли Муром¹. В 1095 г. в Муроме уже упоминается снова русский князь Изяслав Владимирович и посадник князя Олега Святославовича². Стало быть болгары не долго владели Муромом. Есть известие о том, что они безуспешно наступали на Суздаль в 1107 г.; в 1120 г. Юрий Долгорукий «ходи на Болгары и взя полон мног и полк их победы». Еще большего успеха достиг сын Юрия Андрей в 1164 г. Он с сыном своим Изяславом и с братом Ярославом совместно с муромским князем Юрием совершили большой и удачный поход на болгар³.

Через 8 лет, в 1172 г., Андрей, уже князь владимирский, организовал новый поход против болгар. Он сговорился с князьями муромским и рязанским, и все они втроем послали своих сыновей в поход зимой. Неохотно сыновья выполняли волю своих отцов, потому что зимний поход на болгар был очень труден. Собрались они на устье Оки и две недели ждали войска, не дождались и выступили лишь с небольшой дружиной. Тем не менее им удалось взять шесть сел и один город, — какой именно, не сказано в летописи. Узнав, что рус-

¹ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 201.

² Там же, ст. 221—222.

³ Там же, стр. 277.

ская рать очень невелика, болгары сделали попытку контрудара, но успеха не имели¹.

По сообщению Тверской летописи, в боярском заговоре против Андрея участвовала и жена Андрея, родом болгарка. Она якобы мстила своему мужу за то, что он «много воева... Болгарскую землю и сына посылал и много зла учина болгаром»².

В 1184 г. сам Всеволод Большое Гнездо с большим войском в союзе с муромскими и рязанским князьями пошел в землю Болгарскую. На этот раз суздальский летописец более словоохотлив. «Высед на берег, поиде к Великому городу и ста у Тухчина городка». Отсюда после двухдневной стоянки на третий день направился он к Великому городу. Тут русское войско встретило половцев, которые просили разрешения присоединить свои силы к русским для совместных военных действий. Половецкие делегаты сообщили очень интересную деталь: половцы пришли «со князем болгарским воевать болгар». Соглашение было достигнуто, и русская рать вместе с половцами и каким-то болгарским князем пошла к Великому городу³.

Что это за болгарский князь, выступивший против Болгарии, мы не знаем. Однако совсем не обязательно думать, что этот князь — один из тех, кто признал над собой власть болгарского хана. Вполне вероятно, что это — один из соседних с Болгарским царством князей, которые были самостоятельны и выступали, смотря по обстоятельствам, то в союзе с болгарским ханом, то против него. Это, может быть, те «окольные», или «иные», болгары, о которых говорит Ипатьевская летопись под 1182 г.

С распадом Киевского государства и с появлением новых политических центров на Руси уже не Киев сносится с болгарам, а русские княжества, находящиеся с ними в соседстве. Политические интересы Руси раздробились: перед Новгородом стоит задача защищать свои владения с запада и расширять их на северо-восток, Галицкая земля борется с Польшей и Венгрией, Владимирско-Суздальское княжество в союзе с Муромом и Рязанью пробирается к Волге и на север. По русским летописным материалам мы видим отдельные этапы в наступательном движении северо-восточной Руси к Волге и к богатому Северу, где Русь всегда сталкивалась с Болгарией.

Для защиты своих интересов и укрепления своих позиций Русь выстроила в конце XII или в начале XIII в. город Устюг. Болгары взяли его в 1218 г., но удержать не смогли. Через два года мы видим устюжан и ростовцев воюющими Болгарскую землю с севера, куда они двинулись в помощь суздальской рати, пришедшей к Великому городу Волгой⁴.

Лаврентьевская летопись в одной своей краткой заметке рисует нам интересный для политики владимирских князей штрих. Имею в виду сообщение летописи под 1229 и 1230 гг. о «мученике болгарском» Аврамии. Это был богатый купец («имеяше именья много, гостешбу дея по градам»). Кто он был по национальности, летописец не

¹ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 345.

² Тверская летопись, изд. 1863 г., стр. 250—251.

³ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 370. В Ипатьевской летописи это же событие изображено под 1182 г. с некоторыми подробностями. «Окольные же городе болгарские себокуляне и челмата, совокупишася со иными болгары, зовемыми Темтюзи и совокупившеся их 5000 идоша на Исады, а... Торьцькою на коних приехавшим на лодье Руское и вышедше на остров тот и поидоша на Русь» (Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 423). В Лаврентьевской летописи нет ни численности войска, ни сообщения о темтюзях.

⁴ Воскресенская летопись, стр. 126—128.

говорит, ограничиваясь указанием лишь на то, что он «бысть инога языка не русского». Прибыл он в «Болгарский град», который тут же называется «Великим». Здесь он был схвачен. В течение нескольких дней его принуждали «ласканием и прещением» отступить от веры хрестовой. Он отказался и был первого апреля 1229 г. умерщвлен. Христиане, вернее всего русские люди, жившие в болгарском Великом городе, взяли тело его и «положиша в гробе, идеже вси хрестяне лежат», т. е. похоронили на болгарском христианском кладбище.

После этого в Великом городе начались систематические пожары, выгорел почти весь город и «товара погоре множество бесчислено», «за кровь мученика Христова», — комментирует это событие суздальский летописец. А почти через год, 9 марта 1230 г., «принесен бысть хрестов мученик Аврамыи Новый из Болгарские земли в славный град Володимерь». «И взаты быша мощи святого стратотерпца Аврамыя, и принесен быв в Володимерь, и великий князь благочестивый Георгий усрете и перед городом за версту с великою честью с свещами, и епископ Митрофан со всем клиросом и со игумены, и княгыни з детьми, и вси людье. И положен бысть в церкви святыя богородицы, в монастыри великие княгыни Всеволожие».

Событие, происшедшее в Болгарии 1 апреля 1229 г., было очень живо воспринято во Владимире. Торжественная встреча тела Аврамыя всем великокняжеским семейством и помещение его в фамильный великокняжеский монастырь похожа на политическую демонстрацию и, естественно, вызывает к себе большой интерес.

У нас невольно возникает вопрос, за что он собственно пострадал. Ведь христиан за исповедание христианской веры в Болгарии как будто не преследовали. В Болгарии жило немало православных русских людей. О наличии христиан среди болгарского населения говорит не только русская летопись, но и более ранние известия арабов Ибн-Хаукаль и Эл-Балхи: «Между внутренними болгарамы есть христиане и мусульмане». Д. А. Хвольсон считает, что это замечание относится к болгарам приволжским¹.

В религиозной терпимости болгар не сомневается и последний исследователь Болгарского царства А. П. Смирнов². Стало быть, Аврамыи не мог быть замучен только потому, что он был христианином. Почему вслед за умерщвлением Аврамыи кто-то начал систематически поджигать город? Наконец, чем объяснить такой большой интерес к этому событию великого князя владимирского? Не лишено вероятия, что Аврамыи занимался в Болгарии какой-то для болгарского правительства неприемлемой, а для владимирского князя очень интересной деятельностью. Вероятность такого предположения может быть подтверждена многочисленными аналогиями не только из истории России, когда вслед за купцом в чужую страну проникали воин и служитель культа. Тогда делаются понятными и осведомленность владимирского князя о событии, его хлопоты об отпуске из Болгарии в Русь мощей Аврамыи и их торжественная встреча во Владимире.

4. Несколько замечаний о болгарских городах

Русские источники XI в. часто говорят о болгарских городах, но редко называют их точно. Не раз тут встречаем мы и название «Великий город». Очевидно, это — центральный, главный город. Обычно принято думать, что «Великий город» — это город Болгар, развалины

¹ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 83.

² А. Смирнов. Указ. соч., стр. 82.

которого, лежащие в селе Успенском, по дороге из Спасска в Тетюши, в 6 км от Волги, сейчас с большим успехом изучаются нашими археологами.

Город был укреплен валом в 7 км окружностью, в нем было много каменных зданий. Составитель «Географическо-статистического словаря Российской Империи» П. Семенов не сомневается, что город Болгар и есть «Великий город» русских летописей. Нельзя, однако, умолчать о том, что в литературе нет согласного мнения по этому вопросу. Вестберг, например, под «Великим городом» понимает не город Болгар, а город Ошел. Составитель примечаний к текстам по «Истории Татарии» совершенно справедливо отмечает, что сведения арабских авторов о болгарских городах противоречивы. Русские источники, заметим от себя, тоже не отличаются ясностью.

Между тем для нашей задачи — составить возможно ясное представление о хозяйственном и общественном строе Болгарского царства вопрос о городах имеет большое значение.

Русские источники говорят о болгарских городах очень кратко, как о предмете, всем известном. Эта краткость не позволяет нам точно разместить болгарские города на карте.

Сообщая о том, что в 1164 г. русское войско разбило болгар, суздальский летописец прибавляет детали: и «стяги их поимаша, и одва в мале дружине утече князь болгарский до Великого города». Что разуметь под «Великим городом», мы не знаем.

В 1172 г. Андрей взял один какой-то болгарский город и шесть сел. В 1184 г. русское войско подошло к «Великому городу». «И приде князь к городу, — читаем в Лаврентьевской летописи, — и перешед Черемшан в 1 день наряди полки, а сам поча думати с дружиною». Многое тут неясно. Неясно, какой Черемшан тут разумеется — Большой или Малый, неясен и маршрут князя («приде князь к городу и перешед Черемшан»). Трудно определить поэтому и местоположение «Великого города». Из дальнейшего рассказа видно, что этот болгарский город был украшен «плотом», очевидно деревянной стеной, имел «ворота городные», что в защите от нападения Руси участвовали и соседние болгарские племена.

Так как главный бой шел поблизости от берега Волги и так как город Болгар находился где-то очень недалеко от Волги, то отсюда можно как будто бы предполагать, что «Великий город» и есть город Болгар. Впрочем, под эти условия подходит и город Ошел, осада которого в 1220 г. в своих деталях очень напоминает только что описанную. Князь Святослав Всеволодович пришел «под град их (болгар. — Б. Г.) Ошел, и изодоша из лодыи вси полки пеши. Видевше же... болгаре изодоша из града противу». Действие происходит очень недалеко от Волги, опять фигурирует «плот» городской и городские «ворота». Городские укрепления городов были похожи друг на друга, а по берегам Волги стоял не один этот болгарский город. И тут мы не имеем никаких разъясняющих вопросов данных.

Но русские источники — это XI, даже преимущественно XII в., т. е. выходят за пределы хронологических рамок данного очерка. Для IX—X вв. в нашем распоряжении — только арабские известия.

Ибн-Фадлан о болгарских городах говорит настолько туманно, что мы даже затрудняемся точно ответить на вопрос, касается ли он вообще болгарских городов. У Ибн-Фадлана читаем, между прочим, такую фразу: «Жители этого поселения сообщили мне, что действительно, когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как летний день...» Комментатор текста под этим «поселением» разу-

меет то поселение, которое исследователи называют городом Болгаром¹. Очевидно, потому, что весь диалог о явлениях природы, заинтересовавших Ибн-Фадлана, ведется на том месте, где Ибн-Фадлан встретался и вел беседу с царем болгар. Но вся беда в том, что мы не можем определить этого места.

При дальнейшем чтении повествования Ибн-Фадлана не только не рассеивается это недоумение, а возникают новые.

В только что процитированном тексте «поселение» по-арабски обозначено словом «балад-белед». В другом тексте несколькими строками ниже те же собеседники Ибн-Фадлана говорят ему: «И мы не покидаем города, пока ночь длинна, а день короток». Переводчик и комментатор предупреждает, что он переводит здесь «по смыслу», а не буквально. В арабском тексте стоит «балад», что может обозначать и город, и поселение, и страну. «В данном случае, — читаем в примечании 460, — повидимому, речь идет все же о городе Болгар». Обоснованность этого предположения вызывает законное сомнение.

В нашем распоряжении — уже частично приводившееся замечание другого арабского писателя, современника Ибн-Фадлана — Эл-Балхи: «Болгар... имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город Сивар [или Сивара], где также находится главная мечеть... Дома... деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам».

«Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства»².

Ибн-Фадлан, посетивший страну болгар именно летом, ни звука не говорит о деревянных домах, а выражается очень определенно: «Все они [живут] в юртах («кибаб»), с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами. У него [царя] в середине ее [стоит] трон, покрытый византийской парчой»³. Очень характерно в этом отношении описана и встреча посольства. «Когда же мы, т. е. арабское посольство, были от него (места летней стоянки царя. — Б. Г.) на расстоянии двух фарсахов, он встретил нас сам, и, когда он увидел нас, он сошел (на землю, очевидно, с коня. — Б. Г.) и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху великому, могучему... Он водрузил для нас палатки⁴ и поселился в них (у Якута поправка: «и мы поселились в них». — Б. Г.)... Итак, мы оставались воскресеньем, понедельник, вторник и среду в палатках, которые были разбиты для нас, пока он не собрал царей, предводителей и жителей страны»⁵. Далее описывается прием посольства и чтение письма халифа, происходившее в палатке царя.

«Когда же прошло некоторое время, он прислал за нами и мы вошли к нему, когда он был в своей палатке»⁶.

Действие, очевидно, происходит не в городе. О городах Ибн-Фадлан говорит так неопределенно, что это дало повод автору предисловия к академическому изданию «Путешествия Ибн-Фадлана» совершенно справедливо заметить, что прежде чем трактовать о городе Болгаре, «сначала нужно решить довольно трудный вопрос, — о чем

¹ Ибн-Фадлан. Указ соч., прим. 454.

² Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 82.

³ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 68.

⁴ Там же, прим. 303.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Там же, стр. 68.

собственно говорит Ибн-Фадлан в каждом отдельном случае: о временной ли стоянке царя, о городе ли Болгаре или о каком-либо другом поселении...»¹.

Ибн-Фадлан прекрасно знает, что такое город, так как у себя на родине он видел много городов. В начале своего повествования, когда он объясняет, при каких обстоятельствах было организовано посольство от халифа в Болгарию, он пишет, что болгарский царь просил повелителя правоверных: 1) прислать к нему проповедников ислама, 2) построить для него мечеть, 3) воздвигнуть «минбар» (кафедру), «чтобы совершалась на нем молитва за него в его городе и во всем государстве», 4) построить крепость, «чтобы он укрепился в ней от... своих противников»². Комментарий в примечании 10 не сомневается, что в данном случае имеется в виду настоящий город. Но он же несколько не сомневается в значении этого термина у Якута в его фразе: «у царя хазар огромный город на реке Атиль. Он состоит из двух частей: в одной из этих двух частей [живут] мусульмане, а в другой части — царь и его приближенные»³. Но когда этот термин встречается в той части повествования Ибн-Фадлана, где он делится своими собственными впечатлениями от страны болгар, переводчик и комментатор расшифровывает его без всякой уверенности, а в примечании 756 прямо подчеркивает «различные значения этого слова» — значения, всякий раз заново им определяемые «из сопоставления разных мест». «И когда прибывает корабль из страны [города] хазар в страну [город] славян (так называет Болгарию Ибн-Фадлан. — Б. Г.), то царь выезжает верхом... и берет из всего этого десятую часть»⁴. Слова, стоящие в скобках (кроме последнего, моего замечания), принадлежат переводчику, который здесь, очевидно, колеблется и, несомненно, больше склоняется к пониманию термина в смысле страны, а не города.

Весьма вероятно, что хазарский корабль, о котором упоминает Ибн-Фадлан, именно тут и приставал. Здесь, очевидно, и стоял город. Поэтому я отбросил бы колебания переводчика и термин «албалад» уверенно перевел бы здесь словом город. Постоянный рынок, на котором много разнообразного и «полезного» товара (очевидно, рынок главный, поскольку сам царь обнаруживает к нему особый интерес), таможня (по сообщению Ибн-Рустэ, «когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть»), мечеть — все это вместе взятое говорит за наличие тут постоянного поселения, с постоянными жилищами купцов и ремесленников, с лавками и мастерскими. Едва ли этот пункт не был укреплен.

Другой вопрос, что это за город.

Мукаддеси, писавший около 985 г., знает о трех городах Болгарского царства. «Болгар, — по его мнению, — лежит на обоих берегах реки и строения там из дерева и камыша... Ночи там коротки. Главная мечеть стоит на рынке. Мусульмане уже давно завоевали его. Болгар лежит у реки Итиля [Волги] и находится ближе к морю, чем к столице»⁵. Д. А. Хвольсон не сумел понять этого места. Он так и пишет: «Что арабский географ разумеет под столицей — я не могу объяснить, ибо Итиль, столица Хазар, лежала почти на самом бере-

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 33.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 85.

⁴ Там же, стр. 78.

⁵ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 84. В переводе Хвольсон от себя прибавил к слову «Болгар» термин «город».

ге моря». Мне же кажется, что текст этот можно расшифровать, признав, что в начале фразы («Болгар лежит на обоих берегах реки...») Мукаддеси понимает не город, а всю страну, которая действительно лежала по обоим берегам Волги. Отсюда делаются понятными и последующие замечания автора о постройках из дерева и камыша и о краткости ночей. Эти замечания касаются ведь не города, а всей страны. Второе упоминание Болгара очевидно относится к городу, но неизвестно, к какому именно, потому что тот город, который мы называем сейчас Болгаром, от моря находится очень далеко и так же далеко от столицы, если под последней разуметь столицу Хазарского царства, в какой-то зависимости от которого находилось Болгарское ханство. Тут недоумение Д. А. Хвольсона вполне понятно.

Далее Хвольсон сообщает, что «Мукаддеси упоминает и о городе Сиваре и говорит, что этот город также лежит на Волге, что тамошние строения суть войлочные юрты и что у жителей много полей и имущества. Мукаддеси говорит еще об одном городе в стране Болгар», имени которого Д. А. Хвольсон не мог разобрать в рукописи. Он только передает, что, «по словам Мукаддеси, этот город лежит на одном берегу реки и больше обоих вышеупомянутых городов. Жители, продолжает он [Мукаддеси], которые сперва были евреями и потом сделались мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но теперь возвратились в этот город»¹. Это временное переселение болгар к берегу моря, т. е. на юг, Д. А. Хвольсон, как мне кажется, совершенно убедительно сопоставляет с походом русского князя Святослава и считает последствием его. Это беженцы, что и подтверждается полностью сообщением Ибн-Хаукаля: «беглецы живут в соседнем крае, надеясь впоследствии возвратиться на родину», куда они и вернулись.

Мечеть, которая стояла на рынке, тоже была, очевидно, деревянная. Иначе Мукаддеси сказал бы об этом что-нибудь и выделил бы ее из общей характеристики деревянных и камышевых построек.

Ибн-Фадлан все-таки либо лично не видел этих городов, либо не счел их заслуживающими описания (о большом хазарском городе он, например, говорит очень вразумительно²). Упоминает он, впрочем, как мы уже видели, и большой рынок, стоящий на Волге.

Если принять во внимание изменение русла Волги, которое в X в. было, повидимому, ближе к месту теперешних развалин города Болгара, и если учесть замечание Эл-Балхи, что именно город Болгар был главнейшим торговым пунктом государства (хотя Эл-Балхи и называет этот город небольшим), то можно будет предположить, что город, куда приставали хазарские суда, и был Болгар. Можно было бы допустить, что этот город быстро разросся и в XII в. русские люди стали его называть Великим городом. Как будто это предположение подтверждает и рассказ Лаврентьевской летописи о мученичестве Авраамия. Тут альтернативно упоминается Великий град и Болгарский град³. Под Болгарским градом, быть может, и следует разуметь город Болгар. Такое предположение подтверждается и археологическими наблюдениями. А. П. Смирнов отмечает, что «культурный слой Булгарского городища принадлежит монгольской эпохе. Слой домонгольский весьма невелик и незначителен по протяжению. Там найдены отдельные вещи X—XI вв.» Но А. П. Смирнов считает, что «Великий город» — это не разросшийся Болгар, а Биляр⁴.

¹ Н. Хвольсон. Указ. соч., стр. 84—85.

² Там же, стр. 84—85.

³ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 430.

⁴ А. Смирнов. Указ. соч., стр. 91.

Однако наши затруднения на этом не кончаются.

Под 1164 г. в Лаврентьевской летописи, где описан поход Андрея Боголюбского на болгар, говорится об отступлении князя болгарского «до Великого града» после первого натиска русского войска. Второй натиск окончился взятием «града их славного Бряхимова». Самое естественное предположение, что «Великий град» и «славный град Бряхимов» — это не два города, а один и тот же¹.

Но, с другой стороны, ал-Гарнати заявляет, что Болгар и Биляр — это одно и то же. Биляр — более старое название Болгара. О том же говорит и Абульфида: «Биляр находится на самом севере обитаемой земли и лежит в долине на расстоянии одного дня пути от гор, немного к северо-востоку от Волги»² — довольно точное определение местоположения Болгара.

Создается крайне затруднительное положение. В конечном счете, будучи уверены в наличии в X—XII вв. в Болгарии городов, мы все же не можем точно определить их местонахождения и даже установить, как назывался и где лежал главный их город.

Конечно, это очень досадно. Но для моей узкой задачи изображения лишь общего контура хозяйственного состояния Болгарии IX—X вв. и этих скудных и неточных сведений достаточно. Мы можем сказать, что, несмотря на летние кочевки, у болгар в X в. были уже города, где в деревянных постройках проводили зиму владельцы земли и стад и где, несомненно, имели постоянное жительство ремесленники и купцы. Эти города или часть их были также и крепостями.

В начале X в. болгарские власти хлопочуп о постройке у них каменной крепости. Очень знаменательна в этом отношении просьба болгарского царя к арабскому халифу. Ибн-Фадлан счел нужным даже переспросить болгарского царя об этом обстоятельстве. «Однажды я спросил, — пишет Ибн-Фадлан, — его и сказал ему: «государство твое обширно и средства твои изобильные и доход твой многочислен, так почему же ты просил султана, чтобы он построил крепость на свои неограниченные средства?».

Ответ последовал «дипломатический»: «Я видел, что держава ислама стоит впереди (других) и что их средства берутся каждым, кто управляет ими, и вот потому я и обратился с просьбой об этом. Если бы, действительно, я хотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то нет для меня в этом трудности. И право же я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом»³.

Трудно в этом рассказе Ибн-Фадлана разобрать, что тут правда, что лесть или дипломатическая уловка. Наиболее правдоподобно предположение, что болгары хотели построить у себя крепость такую, на какую у них не было умения: ведь они просили прислать не только средства, но и людей, которые могли бы это сделать, т. е. инженеров. Тут невольно вспоминается аналогичное обращение хазар за столетие перед этим к Византии с просьбой построить им крепость Саркел.

Хотелось болгарам также иметь и хорошую мечеть. У них была уже деревянная и тоже, повидимому, построенная не ими самими, — конечно, не по недостатку технического умения (деревянные здания болгары ведь строили), а, очевидно, потому, что, мало опытные в магометанских

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 335.

² Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 88.

³ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 78.

обычаях и требованиях ислама, они не могли знать, как надо строить специальное культовое назначения здание.

У Ибн-Фадлана читаем: «Для них построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней»¹. «Для них построили» можно понимать только так, что кто-то другой построил мечеть, а не они сами. Очевидно, болгарскому царю, прозелиту ислама, хотелось иметь у себя мечеть каменную, архитектурно оформленную так, как это умели делать на мусульманском Востоке.

Итак, несмотря на скудость нарративных письменных источников, несмотря на их порой противоречивые показания, все же хозяйственная жизнь Болгарии IX—X вв. может быть восстановлена, хотя и со значительными, иногда досадными пробелами.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Судить об общественных отношениях в Болгарском ханстве IX—X вв. еще труднее, чем по крупницам восстанавливать черты его хозяйственного строя. Наши источники эту сторону жизни Болгарии освещают еще более скудно.

Основные предпосылки у нас есть, поскольку хозяйственная физиономия страны уже не представляет для нас совершенно темного места.

Если нам удалось твердо установить факт, что болгары — в основном народ земледельческий, то необходимо сделать и следующий шаг, т. е. допустить, что у них, как и у других земледельческих народов, богатство и политическое значение знати обуславливалось появлением собственности на землю и ростом частного землевладения.

К сожалению, нет никакой возможности заметить начальный момент этого важного процесса ни в одном обществе и, в частности, в болгарском.

В X в. мы уже имеем Болгарское государство, конечно, выросшее на базе классовых отношений. Источники дают нам только отдельные штрихи общественной структуры и политического строя Болгарского ханства.

Бросаются в глаза более зрелые формы общественных отношений у болгар по сравнению, например, с соседними буртасами.

Ибн-Фадлан относительно первых говорит ясно: «каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя, и у царя нет на это [эти посевы] никакого права, за исключением того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя»².

Это совсем похоже на то, что сообщает «Повесть временных лет» относительно славян и некоторых народов финского языка, вынужденных одно время платить дань варягам и хазарам. Варяги и хазары «имаху по беле и веверице от дыма».

Ибн-Фадлан дает нам основание считать, что русский «дым» вполне соответствует болгарскому «дом». «На царе славян (т. е. болгар. — Б. Г.)³ лежит дань, которую он платит царю хазар от каждого дома («бейт»⁴) в его государстве шкуру соболя»⁵. «Сын царя славян (т. е. болгар. — Б. Г.) находится заложником у царя хазар». И болгары и буртасы, как и часть восточнославянских племен, находились под властью, что по-тогдашнему означало «под данью», одного и того же

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 74.

² Там же, стр. 72.

³ Мы уже указывали, что Ибн-Фадлан называет болгар славянами.

⁴ Термин «бейт» в арабском языке точно означает индивидуальную семью.

⁵ Ибн-Фадлан. Указ. соч., прим. 754.

хазарского кагана. Ибн-Рустэ замечает о буртасах: «буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 000 всадников». Болгары обложены постоянной податью. Платежная их единица — дом.

«Если проза ударит на дом («бейт»), — читаем у Ибн-Фадлана, — в усадьбу одного из них, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, как он есть, и все, что в нем [находится], — человека и имущество и все прочее, пока не уничтожит его время; и они говорят: это дом, на жителях которого лежит гнев [божий]!»¹. Здесь дом — «бейт» — несомненно, жилище отдельной семьи. «Гнев божий» тоже простирается не на весь коллектив, а только на отдельную семью — дом. Поскольку этот дом — одновременно и податная единица, постольку не приходится сомневаться, что мы тут имеем индивидуальное хозяйство, отвечающее и перед богом и перед государством само за себя.

Несмотря на наличие индивидуального хозяйства, частной собственности на землю, имущественного неравенства и выделившейся из массы знати, в обществе болгар IX—X вв. заметны еще значительные пережитки родовых отношений.

«...если у сына какого-либо человека родится ребенок, — читаем у Ибн-Фадлана, — то его забирает к себе его дед прежде его отца, и дед говорит: я имею на него большее, чем его отец, право в его доле, пока он не сделается взрослым мужем; если из них умрет человек [муж], то ему наследует его брат прежде его сына». Ибн-Фадлан нашел этот обычай неправильным и, как он сам повествует, «наставил царя, что это не дозволено и наставил его, каковы правильные права наследования, пока он их не уразумел»².

Как нам известно, Ибн-Фадлан наставлял болгарского царя и в других вопросах, прививая мусульманину-прозелиту требования мухамедова закона. Весьма вероятно, что и по вопросу о земледелии Ибн-Фадлан тоже давал наставления своему «ученику».

Пережитки родового строя позволяют нам с уверенностью говорить о процессе распада родового строя и превращения родовых общин в сельскую, хотя письменные источники и не дают нам возможности проследить этот процесс. Только археологические данные могут проливать некоторый свет на эту важную сторону дела. Но формы поселений и жилища болгар данного периода исследованы еще мало.

Несомненно, однако, что в начале X в. болгарское общество было уже классовым. Ибн-Фадлан неоднократно противопоставляет знать «простому народу». Когда он описывает обряд погребения у болгар, то прибавляет: «Это так происходит, если он (умерший. — Б. Г.) был из числа главарей, что же касается простого народа, то они делают со своими мертвыми [только] кое-что из этого [обряда]»³.

Процедура похорон знатного человека дает нам некоторый материал для суждения об общественных отношениях болгар этого времени. Для знатного покойника могила устраивается очень тщательно: очерчивается определенное пространство земли, выкапывается яма, в ней делается боковая пещера, куда и кладется покойник. «И таким же образом они [жители] поступают со своими мертвыми. Женщины не плачут над мертвым, но их [жителей] мужчины плачут над ними (покойниками. — Б. Г.). Они приходят в день, в который он умер (очевидно через год. — Б. Г.). Таким образом они останавливаются у дверей его палат-

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 73.

² Там же.

³ Там же, стр. 77.

ки и шумят самым гнусным плачем, каким только могут плакать, и самым диким. Это — [люди] свободные. Когда же закончится их плач, приходят рабы [неся] с собою сплетенные кожи (плети. — Б. Г.) и непрерывно плачут и бьют свои бока и задние части своих тел этими соболями (плетьми. — Б. Г.), пока на их телах не образуются [следы] битья бичом. Им [жителям] надлежит водружать на дверях его палатки знамя; они приносят оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают плача два года. Когда же закончатся два года, они снимают знамя и отрезают [часть] от своих волос, и родственники мертвого созидают званый пир, посредством которого дается знать об окончании их печали (траура. — Б. Г.), и если у него была жена, то она выходит замуж. Это [так происходит], если он был из [числа] г л а в а р е й, что же касается простого народа, то...» обряд значительно сокращается в своих деталях.

Тут изображены три слоя болгарского населения: 1) «главари» — знать, 2) «простой народ» — масса «свободного» населения и 3) рабы.

Главари пользуются привилегиями. Им отдают известные почести после их смерти; стало быть при жизни они тоже занимали преимущественное положение.

Главари — «рейсы», очевидно, и были по преимуществу, владельцами рабов. Это — богатые люди, окруженные сонмом слуг самого различного назначения. Мы об этом можем догадываться на основании одного интересного замечания Ибн-Фадлана. Ибн-Фадлан и его спутники знали в Болгарии очень богатую фамилию. Аль-Баранджар. Домочадцев этого «дома» («бейт») было 5000 душ женщин и мужчин. Считать эту фамилию родом невозможно: такое предположение противоречило бы всем известным нам фактам хозяйственного и общественного строя Болгарии. Этот «дом» очень напоминает нам, скажем, «дом» Симона-варяга, прибывшего на службу к киевскому князю с 3000 своих дворян, или «дом» киевского вельможи Радиона Несторовича, пришедшего на службу к московскому князю с 1700 человек. И Симон и Радион у себя на родине, несомненно, могли насчитать еще большее число «домочадцев». Это все богатые и знатные фамилии.

О болгарской знати Ибн-Фадлан говорит и в других местах своего труда.

Для встречи арабских послов и слушания письма халифа царь собрал к себе: 1) «царей», 2) «предводителей» и 3) «жителей своей страны». Все эти люди, окружавшие в данный момент царя, несколькими строками ниже обобщены под термином «знатные лица из жителей его государства»: когда пришел момент чтения письма халифа, передает Ибн-Фадлан, «встал на ноги он сам (царь. — Б. Г.) и присутствовавшие знатные лица из жителей его государства». Исключить из числа этих знатных лиц государства, вероятно, надо только приглашенных «царей». Их присутствовало лишь четыре, и по всему видно, что они были в особом положении. О царях этих Ибн-Фадлан говорит, что они находились под его [царя] властью: «...он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих со товарищей (повидимому, дружинников. — Б. Г.) и своих детей»¹. Это — не просто жители Болгарского государства, хотя бы и очень знатные, а представители власти отдельных частей, на тех или иных условиях вошедших в состав Болгарского царства.

Под «простым народом», как видно из вышеприведенного текста, Ибн-Фадлан понимает массу свободного населения. Эти незнатные, ря-

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 67.

довые люди занимают в обществе скромное место; соответственно с их положением им полагается и скромный похоронный обряд — кое-что из пышного обряда знати. Возможно, что часть их тоже владеет рабами.

О рабах, на основании данных Ибн-Фадлана, можно сказать еще меньше. Они в болгарском обществе существуют: в похоронном обряде над могилой знатного покойника рабы этого последнего выполняют определенные действия.

О рабах у болгар упоминают и другие авторы. Ибн-Рустэ сообщает: «... они [русы] производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там...»¹.

Эл-Балхи сообщает о том, что из Болгарии вывозились невольники в Среднюю Азию и дальше на восток: «...к товарам, вывозимым из означенных стран, принадлежали: невольники из стран славян, хазар и других соседних с ними, далее — куньи, собольи, лисьи, бобровые и другие меха. Все эти товары вывозились из стран болгар и хазар в Саманидское государство и оттуда в отдаленнейшие места исламских земель». О том же говорит и Мукаддеси: «Меха собольи, беличьи, горностаевые, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые, зайцы, козын шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы, мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот... Все эти товары из Болгарии»². Иными словами, рабы здесь рассматриваются как товар. Можно не сомневаться, что в самом болгарском обществе рабы эксплуатировались и как рабочая сила. Но тот факт, что источники гораздо чаще называют их, как предмет торговли, говорит нам о том, что не рабы были главными непосредственными производителями в Болгарии.

Нет никаких сомнений, что положение рабов в Болгарии ничем не отличалось от положения рабов на Руси и в других дофеодальных государствах. Конечно, они принуждались к работам на своих господ, но, во-первых, этих господ было еще немного, во-вторых, не рабский труд лежал в основе производства всего болгарского общества. Не рабы производили все необходимые жизни блага, а основная масса болгарского общества — «свободные люди», именно те, которых Ибн-Фадлан называет «простым народом».

Под этим термином «простой народ» надо разумеать как земледельцев, так и ремесленников. Последние жили, повидимому, оседло и в значительной своей части, очевидно, в тех поселениях, которые источниками называются или «поселением», или «городом», строгое различие между коими установить не удается. Земледельцы частью занимались оседлым земледелием, часто кочевали.

Очень определенно источники говорят о болгарских купцах: «У них много купцов, — пишет Ибн-Фадлан, — которые отправляются в землю турок, причем привозят овец, и в страну, называемую Вису, причем привозят соболей и черных лисиц»³. Даже если бы не было этого прямого свидетельства о многочисленности в Болгарии купцов, признать этот факт нас бы принудили все свидетельства об оживленной торговле Болгарии с различными странами Европы и Азии. Купцов тут должно было быть много. Мы знаем, чем они торговали и каков был характер этой торговли. Остаются неизвестными размеры торговли, степень богатства купцов, их организация. Но тут жаловаться трудно, так как

¹ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 35.

² История Татарии в материалах и документах, М., 1937, стр. 19, 20 и др.

³ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 74.

за столь ранний период и даже более поздний мы не имеем этих интересных сведений и для купечества других стран.

Несмотря на скудость, неполноту, а иногда и противоречивость источников, мы все же можем с уверенностью сказать, что общество болгар в IX—X вв. было безусловно классовым, что из массы «простых» людей уже успела выделиться знать; с другой стороны, на самом низу общественной лестницы мы видели рабов, которые, однако, занимают в производстве сравнительно менее значительную роль, чем в качестве товара. Следов крепостничества мы не видели. Основным производителем здесь остается «свободный человек» — общинник.

Хотя источники прямо об общине не говорят, но, поскольку они свидетельствуют о наличии очень заметных пережитков родового строя, община обязательно подразумевается как дальнейший этап в эволюции рода.

III. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Те же источники дают нам возможность, по крайней мере в общих чертах, изобразить и устройство Болгарского государства.

Во главе его стоит представитель верховной власти, называемый различными арабскими авторами по-разному. Русские источники называют его русским термином «князь», Ибн-Фадлан (в переводе «Путешествия» под редакцией акад. И. Ю. Крачковского) — «царем». Тот болгарский князь-царь, при котором приезжало посольство халифа в Болгарию, носил имя и титул Алтус Ибн-Шилки Балтавар, или Алмашинг Ибн-Шилки Балтавар. Акад. Френ толковал «балтавар» как «блатаваз», или «владавец». Так же понимали это слово Сенковский и Roesler: Шильки — Силько — Василько¹.

Отсюда вероятность чтения и толкования: Алтус сын Василько, владавец Болгарии, но это только вероятность.

По приезде Ибн-Фадлана и при его содействии царь Болгарии переименовал свое имя и стал называться Джафар Ибн-Абаллаха, повелитель Булгара². Проникновение славянских слов к болгарам не должно вызывать у нас удивления, так как общение со славянами народов Болгарии было давнее и значительное. Не случайно Ибн-Фадлан называет Болгарию страной славян, а Димешки сообщает данные, из которых явствует, что болгары — это смешанный народ из тюрков и славян³.

Болгарское государство, повидимому, образовалось в результате слияния под властью одного главы еще недавно самостоятельных частей: четыре «царя», находившиеся под рукой главного «царя», представителя всего государства, — это обломки недавнего времени, свидетельствующие о процессе объединительной политики Болгарского царства.

Эти четыре «царя» еще пользуются некоторыми политическими преимуществами, видными хотя бы из того, что болгарский царь считал необходимым оповестить их о прибытии арабского посольства и посадил их в своей палатке с правой стороны около своего трона. Эти подручные «цари» были посланы болгарским царем для почетной встречи арабских послов⁴.

И в более позднее время упоминаются какие-то части Болгарии, еще не вошедшие в состав этого государства, то как будто находив-

¹ R. Roesler. Romanische Studien, Leipzig, 1871, стр. 245; И б н-Ф а д л а н. Узак. соч., прим. 8.

² И б н-Ф а д л а н. Узак. соч., стр. 69.

³ Г а р к а в и. Сказания мусульманских писателей.

⁴ И б н-Ф а д л а н. Узак. соч., стр. 67.

шися с ним не то в договорных отношениях, не то самостоятельные, иногда и враждебные ему. Мне кажется, что именно так можно понимать место в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях (под 1182—1184 гг.), где говорится о походе на Болгарию Всеволода Большое Гнездо. Болгары против большого русского войска «не могоша стати» и затворились в крепости. Им на помощь пришли «окольные» собекуляне, челмата и темтюзы, которых русские летописи называют болгарами: «Окольные же городи Болгарские Собекуляне и Челмата, совокупившееся с иными болгары, зовемыми темтюзы, и совокупившася их 5000 идоша...»

О собекулянах и челмате мы ничего точного не знаем. Кто такие темтюзы, русский летописец считает необходимым объяснить: это «иные болгары», «зовемые темтюзы», т. е. такие болгары, о которых надо специально говорить, так как они в общем понятие болгар сами собой, очевидно, не входили¹.

В этом же военном столкновении Руси с болгарами участвовал, как уже говорилось, и какой-то болгарский князь, имени которого русская летопись не называет, но указывает его враждебное выступление против Болгарского государства совместно с половцами.

Возможно, что этот болгарский князь был тоже самостоятельным владельцем. Думать, что тут мы имеем результат феодального дробления Болгарского государства, трудно, так как у нас нет никаких для этого данных. Они имеются только для более позднего времени: в конце XIII и в XIV вв. Болгария распадается на две части — Булгарское и Жукотинское княжества. Татар в 1223 г., как мы увидим ниже, Болгария встречала еще сплоченной массой.

Ибн-Фадлан после упоминания этих «царей» называет еще «предводителей», которые также были приглашены для приема посольства. Эти «предводители» стоят на втором месте после четырех «царей», а далее вслед за «предводителями» тут же названы «жители страны». Поскольку под этими «жителями» не приходится разуметь всю свободную массу населения, которых и нельзя было, да, повидимому, и незачем было собирать по данному случаю, самым простым будет предположение, что это — знатные люди, с которыми царь привык совещаться по различным вопросам.

Под «предводителями» естественнее всего подразумевать знать, облеченную полномочиями, поставленную царем в различных пунктах государства в качестве представителей центральной власти на местах, вероятно очень похожих на тех «мужей», которых сажали киевские князья в главных городах своего государства.

У Якута предводители названы «его знатью», «его избранными», «приближенными»².

Наконец, Ибн-Фадлан указывает еще и царских «сотоварищей», «друзей»³. Наиболее точно на русский язык можно перевести этот термин словом «дружина». Этот перевод точен филологически и вполне соответствует общему характеру организации аппарата власти болгарского царя в рассматриваемое нами время: своих дружинников царь вместе с четырьмя «царями» и своими детьми отправил для встречи посоль-

¹ С. М. Шпилевский в своем специальном труде «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии», сличая девять вариантов этого текста в различных летописях и привлекая к решению вопроса сообщение В. Н. Татищева, приходит к заключению, что собекуляне (автор считает, что под этим термином понимаются две части — соба и куль), челмата, темтюзы — это «отделы болгарского народа», или племена, т. е. части болгарского народа. См. С. Ш п и л е в с к и й. Древние города, Казань, 1877, стр. 139—140.

² И б н - Ф а д л а н. Указ. соч., стр. 105, прим. 312.

³ Там же, стр. 67.

ства. Ибн-Фадлан особо говорит о войске, не смешивая его с дружиной.

«Если же он (царь болгарский. — Б. Г.) прикажет отряду¹ своего войска или войску [совершить] набег на какую-либо из стран, и он (отряд. — Б. Г.) награбит, то он (царь. — Б. Г.) имеет вместе с ними (воинами. — Б. Г.) долю». Тут в тексте стоит «ахван», что значит «отряд войска от 5 человек до 3 или 4 тысяч», «отряд кавалерии около 4 тысяч всадников». У Табари упоминается «сария» в 400 человек, посланная во времена 10-го года Хиджры.

Дружина — это военные люди, живущие на средства своего вождя. Войско — это часть вооруженного и обученного военному строю народа, первоначально, в период военной демократии — весь народ. В данном случае, когда мы имеем дело с государством, говорить о военной демократии не приходится, но различие дружину и войско совершенно необходимо. Так было у всех европейских и, повидимому, неевропейских народов. Ибн-Рустэ говорит о болгарях, что они ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение»². Так отзывался о болгарях арабский писатель, получивший свои сведения от третьих лиц, но тем не менее весьма правдоподобные. Едва ли только в это время был вооружен весь болгарский народ, но некоторая его часть, вероятно и составлявшая кадры, из которых набиралось войско, была вооружена. Это замечание Ибн-Рустэ относится во всяком случае к народу, а не к царской дружине.

Дружина обычно находится при царе и сопровождает его в походах. Войско, если его не ведет сам царь, выступает с определенным заданием по указанию царя, под водительством своих начальников. Так, повидимому, и было в тех случаях, которые имеет в виду Ибн-Фадлан. Часть военной добычи идет царю. То же мы можем видеть и у хазар. По сообщению Ибн-Рустэ, хазарский царь «сам распоряжается получаемыми податями и в походы свои ходит со своими войсками... Когда добудут добычу, то собирают ее всю в лагерь; тогда Иша (хазарский царь. — Б. Г.) выбирает, что ему нравится, и берет себе; остальную же часть добычи предоставляет воинам разделить между собою»³.

Хазарское войско, несомненно, многочисленно. Одни подчиненные хазарскому кагану буртасы якобы обязаны были, по показанию Ибн-Рустэ, выставлять в поле 10 000 всадников. Мы не знаем, обязаны ли были болгары поставлять военную силу хазарам и, если были обязаны, то в каком количестве и на каких условиях. Мы знаем только, что болгары и буртасы до уничтожения Святославом Игоревичем Хазарского каганата в политическом отношении были зависимы от кагана. Характер этой зависимости нам тоже неизвестен. Но очевидно, что если даже болгары и должны были предоставлять кагану вооруженную силу,

¹ И б н - Ф а д л а н. Указ. соч., стр. 72. В переводе «Путешествия» под ред. акад. И. Ю. Крачковского здесь едва ли удачно поставлено слово «дружина». См. прим. 509. Не различает дружину от войска и А. П. Смирнов. «Войско, — пишет он, — необходимый институт в каждом классовом обществе, носило у болгар феодальный характер. Целый ряд документов указывает на существование дружин» (Указ. соч., стр. 82). Тут автор цитирует Ибн-Рустэ и Ибн-Фадлана — «Булгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» — и вышеприведенное свидетельство Ибн-Фадлана об отряде, получающем приказание от царя выступить в поход. Первое свидетельство решительно не говорит о дружине, второе, более чем вероятно, тоже имеет в виду не дружину, а часть войска. Свидетельства русских летописей, приводимые тут же, говорят лишь о том, что у болгарских князей были свои дружины, в чем сомневаться не приходится. Но сказанным не отрицается наличие и войска.

² Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 24.

³ Там же, стр. 19.

то и сам болгарский царь располагал еще более значительными силами. Из сообщения Ибн-Рустэ с ясностью вытекает, что болгары стояли по своему общественному устройству и политической организации значительно выше буртасов. О буртасах Ибн-Рустэ прямо говорит: «Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законною; есть у них в каждом селении только до одного или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрах. Настоящим образом подчиняются они царю хазар. Если один из них [буртасов] обидит другого или оскорбит, или поранит ударом или уколom, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику»¹. Родовая месть, ничем, повидимому, не ограниченная, старшины, едва ли не родовые, отсутствие самостоятельного политического объединения и замена его подчинением соседнему государству — все это говорит о значительной отсталости по сравнению с болгарами, у которых, несомненно, наличное разделение общества на классы и свое собственное государство совсем царем во главе.

В распоряжении болгарского царя имелась казна, регулярно пополнявшаяся податями, торговыми пошлинами и военной добычей.

Подати, по Ибн-Фадлану, собирались с каждого «дома» по соболу²; по Ибн-Рустэ, «болгары подать царю своему платят лошадыми и др. От всякого из тех, кто женится, царь берет по верховой лошади». В показаниях источников по этому предмету — явное разногласие. Поскольку Ибн-Рустэ писал с чужих слов, а Ибн-Фадлан сам посетил Болгарию, мне кажется, надо отдать предпочтение показаниям этого последнего; оно обстоятельно и наиболее вероятно. Лесная и земледельческая страна, соседняя русским славянам, естественно, платит своему правительству то же, что и русский народ и с одинаковой единицы обложения. Сообщение Ибн-Рустэ, может быть, и не совсем неверно, но едва ли может быть распространено на всю массу населения: не у всех вступающих в брак могут быть свои лошади. Зато сам Ибн-Рустэ говорит: «Главное богатство их (болгар. — Б. Г.) составляет куний мех».

Царская казна пополнялась и за счет торговых пошлин, которых должно быть немало, если принять во внимание, что болгары усердно торговали с соседними и отдаленными странами. Арабам это было прекрасно известно. Ибн-Рустэ здесь совершенно точен. «Когда приходят к ним, — пишет он, — мусульманские купеческие суда (стало быть прежде всего арабские. — Б. Г.), то берут с них пошлину, десятую часть»³. О характере торговых отношений болгар с Русью, между прочим, свидетельствует сообщение В. Н. Татищева, почерпнутое из недошедшего до нас источника, но тем не менее не вызывающее у нас никаких сомнений в своей достоверности. Из этого сообщения не трудно сделать заключение, что если русский князь имел в виду удобство сбора торговых пошлин с болгарских товаров, то и болгарская сторона делала то же самое.

Мы видели также, что и часть военной добычи тоже шла в казну болгарского царя.

Такими путями в царской казне собирались значительные суммы, если отнестись с доверием к вышеприведенному рассказу Ибн-Фадлана о его беседе с болгарским царем относительно мотивов, заставивших

¹ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 20.

² Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 72. Этот текст в передаче Якута изменен: подать якобы состояла в воловьей шкуре с дома.

³ Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 24.

этого последнего обратиться к калифу с просьбой построить в Болгарии крепость и мечеть. Конечно, в диалоге между Ибн-Фадланом и болгарским царем могут быть неточности и преувеличения, но сомневаться в значительности материальных средств болгарского царя все же не приходится.

Несмотря на все эти стороны организации Болгарского государства, свидетельствующие о несомненных политических успехах болгар, в начале X в. здесь было еще много следов прошлого, когда племена (тюркские, финские и славянские), прежде чем войти в политическое объединение под главенством болгар, жили своей собственной жизнью.

Попытка использовать ислам как средство более тесного объединения государства не дала заметных результатов. Нам известно из более поздних источников, что ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве, что говорит о довольно медленном процессе политической нивелировки болгарского народа.

Ибн-Фадлан рассказывает и другой характерный случай. Во время одной из своих кочевок болгарский царь, прожив два месяца у озера, захотел переехать в другое место и приказал племени савар (или саван) ехать вместе с ним. «Они же отказали ему, и они разделились на две группы: одна группа с некоторым племенем (в переводе родом. — Б. Г.), над которым как будто был предводителем (в переводе царем. — Б. Г.) человек по имени Вираг», отказалась повиноваться царю. На это неповиновение болгарский царь ответил угрозой: «кто будет мне противоречить, того я встречу с мечом». Другая группа под предводительством Аскала повиновалась¹.

Этот Аскал, правда, довольно случайно, но попал позднее в родственники царя: когда дочери царя болгар грозила опасность насильственного выхода замуж за хазарского кагана, отец поспешил выдать ее за Аскала, [человека] «из числа находившихся под его [царя] властью»².

Факт неисполнения приказа царя целой значительной группой населения (повидимому, племенем) и необходимости браться за меч для подкрепления своего распоряжения — это тоже свидетельство недостаточно окрепшего авторитета центральной власти и наличия некоторой самостоятельности племен. Трудно, конечно, угадать, кого разумел Ибн-Фадлан под этими «предводителями», которые в переводе даже названы царями.

Ибн-Фадлан говорит о «предводителях» несколько раз: для встречи арабского посольства и слушания письма халифа болгарский царь послал «царей», «предводителей»³ и свою знать; Ибн-Фадлан «вручил ему (царю болгар. — Б. Г.) подарки для него, для его жены, для его детей, для его братьев, для его предводителей⁴...» Царя, стало быть, постоянно окружают, кроме родственников и четырех особо выделенных «царей», еще «предводители» и знать (выше уже говорилось, что так, повидимому, надо расшифровывать термин «жители его страны»). Но подарки были предназначены только для ближайших родственников царя и «предводителей». Значит «предводители» были особо приближенными людьми. Может быть, это — начальники его дружины, его военные соратники и наиболее близкие советники, в

¹ Ибн-Фадлан. Указ. соч., стр. 76.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 67, прим. 311 и 312.

⁴ Там же, стр. 55.

отличие от знати, представляющей при дворе царя всю болгарскую землю.

Может быть мы и тут имеем два слоя знати, подобные русским «боярам» и «старцам» («земским боярам»).

IV. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Вот что можно извлечь из источников об общественном и политическом строе болгар. Нужно сознаться — не много.

Очень важные стороны жизни болгарского общества источниками совсем не освещены, а те, которые обратили на себя внимание арабских наблюдателей, описаны часто на основании непроверенных рассказов и слухов, почему и переполнены значительными противоречиями. Поэтому иногда приходится говорить по вопросам, нас интересующим, с большими оговорками, без уверенности в точности обобщений, часто прибегать к гипотезам.

Тем не менее предмет интересен и важен, оставить его, ссылаясь на скудость материалов, без рассмотрения нельзя.

Что же мы все-таки можем сказать о Болгарском ханстве бесспорного?

1. Болгары — народ тюркского происхождения, сумели к X в. политически объединить под своим главенством несколько племен и народов тюркских, славянских и финских.

2. Не все из этих объединенных под властью болгар народов находились на одинаковом уровне развития: в то время, как, например, буртасы, политическая связь которых с болгарам не освещена источниками, еще не совсем расстались с родовым строем, болгарское общество было несомненно классовым.

3. Болгарское общество к началу X в. успело выделить свой господствующий класс, по терминологии Ибн-Фадлана «знатные лица», «предводители», «главари». Масса населения отмечается тем же автором как «простой народ», «свободные люди». Несомненно наличие купцов, рынков, городов, быстро развивающихся и вновь возникающих в XI—XII вв. Несомненно также наличие рабов.

4. Торговые связи с Западом, Севером и Востоком, с ближайшими соседями и очень далекими странами (Средняя Азия и Иран, например) оживляют экономическую жизнь Болгарии, но сама она является не столько производителем товаров, сколько посредником в торговле между различными странами Европы и Азии.

5. Несмотря на бросающуюся в глаза роль торговли, не она определяла хозяйственный облик страны: основными отраслями болгарского хозяйства в IX—X вв. были земледелие и скотоводство; последнее — не как принадлежность сельского хозяйства, а как имеющее самостоятельное значение. Отсюда и неизжитое кочевание, что роднило Болгарию с соседней Хазарией.

6. Основными, непосредственными производителями в этом обществе IX—X вв. являются «свободные люди», «простой народ». Рабы отмечаются источниками чаще как товар, идущий за границу, чем как рабочая сила.

7. К началу X в. Болгария представляет собой в политическом отношении государство, о чем свидетельствует ряд фактов: отделение власти от народа, прекращение народных собраний и замена их совещаниями носителя верховной власти с окружающей его знатью, налоговая система и др.

Нам надлежит только определить стиль и характер этого государ-

ства. Попытку решить эту задачу мы находим в труде А. П. Смирнова. Прделав очень большую работу по обобщению археологических материалов, автор приходит к заключению, что «Болгарское государство является типичным феодальным государством».

Отдавая должное исследованию автора со стороны полноты привлеченного, особенно археологического, материала, я позволю себе усумниться в обоснованности сделанного им вывода:

В самом деле, какие существенные признаки входят в понятие феодального государства? Способ производства, основанный на труде зависимого и крепостного крестьянина, стало быть и ведущая роль крупного землевладения и вытекающая отсюда политическая сила крупных землевладельцев, в той или иной форме отражающаяся на организации государственной власти.

При феодализме, как, впрочем, и при других общественно-экономических формациях, имеются и остатки старых, отживающих общественных отношений и элементы развивающихся новых. Поэтому недостаточно констатировать в том или ином обществе в определенный момент его истории наличие отдельных признаков феодального строя, а надо учитывать степень их распространения и утверждения, их удельный вес.

Если в теоретическом понимании сущности феодальных общественных отношений у меня с А. П. Смирновым расхождения нет, то я вправе не согласиться с общим его заключением, поскольку автор не подтверждает своего вывода фактами.

После столь ответственного заключения он сам вынужден заявить: «Правда, мы мало знаем о взаимоотношениях крестьян с феодалами и, кроме известия Ибн-Дастан (Рустэ. — Б. Г.) — «подать царю своему платят они шкурами и скотом» — мы ничего не можем сказать»¹.

Я бы усилил это признание и прямо сказал: мы ничего не знаем о взаимоотношениях крестьян с феодалами, потому что фраза Ибн-Рустэ. ровно ничего об этих отношениях не говорит. Она указывает лишь на податные отношения болгарского народа к верховной власти, выражающиеся в обязательстве народа платить своему царю дань. Тут нет ни феодалов, ни зависимых от него крестьян, ни феодальной ренты. Если мы прибавим не учтенное в данном случае А. П. Смирновым замечание Ибн-Фадлана о том, что болгары платят с «дома» своему царю по соболю, то мы сможем еще раз убедиться в правдивости основной мысли Ибн-Рустэ. и в полном отсутствии в нашем распоряжении каких-либо намеков на крепостнические отношения крестьян и феодалов.

Случайно ли это? Думаю, что не случайно, так как Ибн-Фадлан, интересовавшийся общественным строем болгар, не мог бы не сказать о положении зависимых крестьян, если бы эта зависимость была явлением сколько-нибудь заметным и для болгарского общества начала X в. характерным.

Конечно, поскольку Ибн-Фадлан говорит о частном хозяйстве, необходимо предполагать и частное землевладение — мелкое крестьянское и более крупное болгарской знати.

Предполагать крупное хозяйство для данного времени при известных нам условиях решительно невозможно. Сравнительно небольшое барское хозяйство обслуживалось главным образом рабами, о которых говорят источники.

Считаю так же не обоснованным и другое утверждение того же

¹ А. Смирнов. Указ. соч., стр. 81.

автора, где он, по данным системы укреплений городищ, приходит к выводу о «труде крепостного населения». «Среди городищ домонгольской эпохи, — пишет он, — обращают на себя внимание небольшие городища, обнесенные мощной системой обороны. Эти городища не могут быть причислены к убежищам (детинцам) по своим незначительным размерам, а предположить, что они являлись убежищем небольшой родовой группы, нельзя, так как постройка солидных укреплений не по силам небольшому коллективу. Эти городища могут быть лишь замками князей-феодалов; их укрепления — показатель труда крепостного населения»¹.

Тут автор, несомненно, недооценивает силы родового коллектива, с одной стороны (мы знаем много хорошо укрепленных пунктов, именно родовых), а с другой стороны, он ничем не доказывает, что сооружения эти сделаны руками крепостных. Почему они, например, не могли быть сделаны руками рабов или свободных людей, принуждаемых к работе по распоряжению государственной власти, подобно тому, как строили крепости вокруг Киева и Новгорода и церкви в этих и других городах князь Владимир, его предшественники и преемники? Предположение относительно замков я не отвергаю, но подобные факты говорили бы только о наличии знати, владеющей укрепленными усадьбами, и больше ни о чем. Хотя вопрос о непосредственных производителях, обслуживающих эти усадьбы, и остается для Болгарского царства открытым, тем не менее из возможных его решений крепостной труд в качестве основной формы эксплуатации работающего на знать населения исключается. Может тут идти речь лишь о начинающемся процессе закрепощения свободного населения.

Итак, это — типичное, но не феодальное, а дофеодальное государство, подобное государствам славян, германцев, армян, иберов и др., возникшим в период раннего средневековья.

Эти дофеодальные государства, сплачивая доселе разрозненные племена, устанавливая свои политические границы и организуя силы для их защиты, дают возможность для дальнейшего роста производительным силам страны, способствуют расширению и усилению крупного землевладения за счет крестьянских общин, увеличению числа крупных землевладельцев, распространению их власти над целыми общинами и отдельными их членами, создавая таким образом условия и предпосылки для развития крепостнического строя.

Труд зависимых крестьян в дофеодальном государстве только в итоге длительного процесса делается господствующей формой общественного производства, и тем самым дофеодальное государство превращается в феодальное.

Дофеодальные государства, располагая большими массами вооруженного народа, обычно ведут широкую наступательную политику. Таковы государства Меровингов и Карла Великого, Киевское государство, империя Чингис-хана, монархия Тиграпа Великого и др. Таково и Болгарское царство IX—XII вв.

Именно этим обстоятельством объясняется сравнительно значительная военная сила этого дофеодального, еще не раздробленного государства, способного выставить в поле большое, подчиненное одному вождю войско.

В то время как в феодально-раздробленной Руси каждое выделившееся из состава Киевского государства феодальное княжество

¹ А. Смирнов. Указ. соч., стр. 76

встречало татарские полчища в одиночку и гибло с честью в неравных боях, Болгарское царство, по своим ресурсам гораздо более слабое, чем Киевское государство в период своего расцвета, т. е. в свой дофеодалный период, держалось дольше.

В 1229 г. передовые болгарские отряды встретились с татарами на Яике и вынуждены были отступить. Тем не менее хазары (саксины) и половцы ввиду татарской угрозы еще рассчитывали получить помощь именно от болгар. В Лаврентьевской летописи по этому поводу под 1229 г. записано: «... саксини и половци взбегоша из низу к болгарам перед татары, и сторожеве болгарскыи прибегоша, бьена от татар близь реки, ей же имя Яик»¹. В аналогичном случае в 1223 г. половцы обратились к русским князьям. Потерпевшие поражение при Калке и осведомленные о том, что болгары не пустили татар в свою землю и сумели ее защитить в 1223 г., половцы шесть лет спустя обращаются за помощью уже не к Руси, а к болгарам, очень возможно потому, что, во-первых, им был известен факт поражения татар, нанесенного им болгарскими полками в 1223 г.², во-вторых, они, вероятно, были хорошо осведомлены о политическом состоянии раздробленной Руси, не только бессильной оказать помощь половцам, но и защитить себя. Мы не знаем, доходили ли татары в этом году до Болгарии. Но через три года они подходили к болгарской столице. Лаврентьевская летопись сообщает под 1232 г.: «Татарове... зимоваша, не дошедше Великого града Болгарского». Наконец, в 1236 г. «придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до унаго и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша»³.

Более поздние известия о Болгарском ханстве очень немногочисленны и мало исследованы. Д. А. Хвольсон называет путешественника, посетившего Болгарию в XIII в., Хасана-Руми, записи которого, однако, до нас не дошли и о котором лишь упоминает Кади эн-Омари, писавший уже в XIV в. Называет Д. А. Хвольсон и известия о болгарях Ахмеда эт-Туси, сведения которого, по мнению Д. А. Хвольсона, не имеют никакого значения, так как он не знает даже, где лежит Болгария. Интересное сообщение о Болгарии извлекает Д. А. Хвольсон из сочинения космографа XIV в. Шемс-эд-дин Димешки. На вопрос, обращенный к болгарам, что они за народ, они ответили: «Мы народ, родившийся между тюрками и славянами», что Френ понимал как народ, смешанный из тюрков и славян. Д. А. Хвольсон склонен понимать это место так же.

Д. А. Хвольсон указывает на замечание Хаджи Халфа о том, что якобы язык и нравы болгар сходны с языком и обычаями русских, и о том, что болгары обращались в Ховарезм к мусульманским ученым за разъяснением некоторых богословских вопросов. Упоминает Д. А. Хвольсон и ученого болгарина Бурхана-эд-дина Ибрахима Ибн-Юсуфа Болгари и его комментарий к книгам по риторике и медицине.

Для углубления изучения истории Болгарии, несомненно, следовало бы более детально ознакомиться с этими и другими сочинениями арабов. Может быть, тогда мы получили бы возможность хотя в какой-либо степени проследить эволюцию феодальных отношений в этом

¹ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 430.

² Летопись Ибн-Эл-Асира, Тизенгаузен, стр. 28.

³ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 437.

государстве. Особых надежд, впрочем, на это возлагать, повидимому, нельзя, так как иначе Д. А. Хвольсон, читавший эти произведения, не скрыл бы их содержания от читателей своей интересной книги. Автор ее, однако, счел нужным подчеркнуть, что на фоне этих более поздних скудных данных выигрывают довольно обильные и содержательные замечания Ибн-Рустэ.

Документы самого Болгарского ханства, очевидно, погибли во время татарского нашествия.

Дальнейшие судьбы болгарского общества приходится рассматривать уже в связи с общей судьбой Золотой Орды, в состав которой вошла и Болгария.
